

Рудольф Штайнер

Из GA 332a:

Социальное будущее

по изданию Калуга, "Духовное познание", 1993 г

Второй доклад

***Ассоциативная экономика. Преобразование рынка.
Ценообразование. Деньги и налоги. Кредит.***

Цюрих, 25 октября 1919 г.

Из воззрений, выросших на фактах социального развития нового времени, как я пытался их объяснить вчера, возникла идея о трехчленности социального организма, описание которой вы найдете в моей книге "Основные пункты социального вопроса". Эта идея трехчленности социального организма стремится быть вполне практической жизненной идеей и не содержать в себе ничего утопического. При написании этой книги я предполагал, что ее будут воспринимать с определенным чувством реальности, а не обсуждать, исходя из предвзятых теорий, предвзятых партийных мнений. В самом деле, если справедливо - а то, что я приводил вчера, несомненно справедливо — что социальные факты в жизненных условиях людей постепенно стали такими сложными, что их можно обзреть лишь с чрезвычайным трудом, то для обсуждения того, что сегодня должно вести к волеию, необходим особый метод. При этой сложности фактов само собой разумеется, что человек имеет определенное понимание, в частности в хозяйственных явлениях, прежде всего того, что входит в круг его жизни. Но все, что в него входит, зависит от всего остального хозяйства, и сегодня не только от хозяйства одной страны, но от всего мирового хозяйства. Поэтому очень часто возникает естественное и понятное желание судить о потребностях мирового хозяйства по опыту своих ближайших жизненных сфер. При этом, конечно, бывают промахи. Кто знаком с требованиями соответствующего действительности мышления, тот знает, как важно подходить к явлениям в мире с известным чувством реальности, чтобы благодаря этому прийти к определенным основополагающим познаниям, которые затем могут играть в жизни такую же роль, как в школьных познаниях основополагающие истины.

Видите ли, если пожелают познать всю хозяйственную жизнь со всеми ее подробностями и только из этого сделать выводы для социального воления, это никогда не получится. Также, как не получилось бы, если бы захотели проработать все подробности, в которых, скажем, в технической жизни находит применение теорема Пифагора, чтобы познать истинность теоремы Пифагора. Истинность теоремы Пифагора усваивают из известных внутренних связей и тогда знают, что везде, где она применима, она должна иметь силу. В социальном познании также пробиваются к тому, чтобы известные фундаментальные познания могли оказаться для сознания истинными благодаря своей внутренней природе. И тогда, если имеют чувство действительности, замечают, что они также применимы всюду, где о них идет речь. Так, книгу "Основные пункты социального вопроса" можно понять из ее внутренней природы, из внутренней природы приведенных там социальных отношений, и прежде всего таким образом можно было бы воспринять всю идею трехчленности социального организма. Но в этих докладах я постараюсь показать, как отдельные явления социальной жизни подтверждают то, что следует из этой идеи трехчленности социального организма, возникшей из жизненных потребностей нашего времени и ближайшего будущего человечества.

Сначала, однако, в виде введения, прежде чем перейти к собственно сегодняшней теме, я вынужден буду просто изложить, представить вам основную идею этой трехчленности социального организма. Вчера мы смогли заключить, что требования нашей социальной жизни должны произрастать из трех основных корней, другими словами, что социальный вопрос есть вопрос духовный, вопрос государственный или правовой, политический и вопрос хозяйственный. Кто исследует новое развитие человечества, тот найдет, что эти три жизненных элемента — духовная жизнь, государственно-правовая или политическая жизнь и хозяйственная жизнь - постепенно вплоть до наших дней хаотично сливались в общность, в единство, и что из этого слияния возникли наши современные социальные недостатки.

Если это основательно познать - а эти лекции должны дать основу для того, чтобы это можно было познать основательно -- то найдут, что будущее должно развиваться так, что общественная жизнь, социальный организм будут расчленены на самостоятельное духовное управление, особенно в общественной духовной жизни, относящейся к воспитанию и обучению; на самостоятельное управление политическими, государственными и правовыми отношениями; и на полностью самостоятельное управление хозяйственной жизнью.

В настоящее время в наших государствах эти три элемента жизни охватывает одно единственное управление, и если говорят о трехчленности, то тотчас же возникает недоразумение. Понимают

примерно так: ну да, он хочет самостоятельного управления для государственно-правовой или политической жизни, самостоятельного управления для духовной жизни, самостоятельного управления для хозяйственной жизни; следовательно, он требует трех парламентов: культурный парламент, демократически-политический парламент и хозяйственный парламент. - Но требуя этого, ровно ничего не поняли бы в идее трехчленности социального организма, ибо это идея как раз вполне серьезно принимает требования, исторически возникшие в ходе нового развития человечества. И эти требования можно выразить словами, которые, правда, уже стали лозунгами; но если отойти от лозунгов, чтобы вернуться в действительность, то мы найдем, что в этих трех словах содержатся исторически оправданные импульсы. Это импульс к свободе человеческой жизни, импульс к демократии и импульс к социальному формированию общежития. Но если всерьез принимать эти требования, то их нельзя сплести в единое управление, ибо одно всегда будет нарушать другое. Кто, например, всерьез принимает призыв к демократии, тот должен сказать себе: эта демократия может выражаться лишь в народном представительстве или через референдум, когда каждый взрослый человек, равно противостоя другому взрослому человеку, судит о том, что может решаться на демократической почве.

Таким образом, существует - и об этом говорит идея трехчленности социального организма - целая жизненная область, а именно область правовой жизни, область государственной жизни, область политических отношений, в которой каждый взрослый человек призван сказать свое слово из своего демократического сознания. Но если демократия осуществлена всерьез и государственная жизнь должна быть полностью демократизирована, то в эту демократию никогда не может быть вовлечена, с одной стороны, духовная область, а с другой стороны, в это демократическое управление никогда не может быть вовлечен кругооборот хозяйственной жизни.

В этом демократическом управлении вполне уместен парламент. Но в таком демократическом парламенте никогда нельзя решать того, что должно совершаться на почве духовной жизни, на почве воспитания и образования. Сегодня я хочу предварительно указать на то, что гораздо точнее будет выведено в четвертой лекции: трехчленность социального организма стремится к самостоятельной духовной жизни, особенно в общественных делах, в воспитании и образовании. Это значит, что в будущем никакие государственные распоряжения не должны определять, чему и как надлежит учить, а те, кто действительно заняты практическим обучением, сами должны также и управлять делом воспитания. Это значит, что от самой низшей народной ступени до высшей ступени обучения личность учителя должна быть независимой от какой бы то ни было другой, государственной или хозяйственной власти, относительно содержания и формы обучения. Они должны проистекать из того, что ощущается пригодным для духовной жизни внутри самой самостоятельной духовной корпорации. И отдельный учитель должен тратить на обучение лишь столько времени, чтобы у

него еще оставалось время участвовать в самоуправлении как дела обучения и воспитания, так и всей духовной жизни. В четвертом докладе я попытаюсь доказать, что благодаря этой самостоятельной духовной жизни духовное состояние людей вообще будет поставлено на совершенно иную основу, и что наступит как раз то, во что из-за сегодняшних предрассудков меньше всего можно поверить: благодаря этой само самостоятельности духовная жизнь приобретет силу действительно самой плодотворно участвовать в государственной и особенно в хозяйственной жизни. И внутренне именно самостоятельная духовная жизнь станет не серой теорией, будет давать не чуждые миру научные воззрения, а будет в то же время проникать в человеческую жизнь, так что человек из такой самостоятельной духовной жизни будет проникнут не просто абстрактными духовными воззрениями, но знаниями, посредством которых он сможет устойчиво стоять и в хозяйственной жизни. Именно благодаря самостоятельности духовная жизнь в то же время станет практичной. Так что можно сказать: в духовной жизни должны будут господствовать предметное знание и применение предметного знания. То, что может приходить из суждения всякого способного к суждению взрослого человека, не должно будет здесь господствовать. Следовательно, управление духовной жизнью должно быть изъято из парламентаризма. Кто полагает, что в ней должен господствовать демократический парламент, тот совершенно не понимает именно побуждение к трехчленности социального организма.

Подобным же образом дело обстоит с хозяйственной жизнью. Но хозяйственная жизнь имеет свои самостоятельные корни. Она должна управляться из своих собственных условий. О том, как нужно хозяйствовать, опять-таки нельзя судить демократически каждому взрослому человеку, а только тому, кто занят в какой-нибудь отрасли хозяйства, кто стал дельным в некоторой отрасли хозяйства, кто знает, как эта отрасль хозяйства связана с другими отраслями. Профессиональная осведомленность и профессиональное умение, вот условия, посредством которых в хозяйственной жизни только и может возникать что-нибудь плодотворное. Эта хозяйственная жизнь, следовательно, должна быть отделена, с одной стороны, от правового государства, а с другой стороны, от духовной жизни. Она должна быть поставлена на свою собственную основу.

Это сегодня более всего не понимают мыслящие социалистически. Они представляют себе некую форму, которую должна принять хозяйственная жизнь, чтобы в будущем человечества исчезли определенные недостатки социальной природы. Было замечено, и это легко увидеть, что из-за частнокапиталистического хозяйственного порядка последних столетий возникли определенные недостатки. Эти недостатки очевидны. Как о них судят? Говорят: возник частнокапиталистический хозяйственный порядок; он принес недостатки. Недостатки исчезнут, если мы ликвидируем частнокапиталистический хозяйственный порядок, если вместо частнокапиталистического хозяйственного порядка установим общественное хозяйство. То, что всплыло как недостатки, пришло потому, что

отдельные владельцы лично имели средства производства в своей собственности. Если же отдельные владельцы больше не будут иметь средства производства в своей собственности, а общество будет управлять средствами производства, то недостатки исчезнут.

Можно сказать, что отдельные факты познаны сегодня уже и социалистически мыслящими, и интересно, как отдельные познания действуют и в социалистических кругах. Сегодня уже говорят: да, средства производства как капитал, представляющий средства производства, должен управляться общественно. Но можно было видеть, к чему привело, например, огосударствление некоторых средств производства, огосударствление почты, железных дорог и т.д., и никто не скажет, что недостатки устранены тем, что государство стало теперь капиталистом. Следовательно, нельзя огосударствлять, нельзя также обобществлять. Нельзя также достигнуть чего-нибудь плодотворного основанием потребительских обществ, в которые объединяются люди, нуждающиеся в потреблении чего-либо. Те люди, которые регулируют это потребление и хотят соответственно ему регулировать производство подлежащих потреблению товаров, станут как потребители, также и согласно воззрениям социалистически мыслящих, тиранами производства. Таким образом, уже возникло понимание, что как огосударствление, так и коммунализация, а также управление через потребительские товарищества приводят к деспотизму потребителей. Производители оказались бы в тиранической зависимости от потребителей. Поэтому многие думают, что можно обосновать рабочие производственные товарищества, рабочие производственные ассоциации как род общественного управления; в них объединились бы сами рабочие, производили бы для себя самих, в соответствии со своим мнением и согласно своим основаниям.

Здесь опять-таки социалистически мыслящие увидели, что и таким образом не было бы достигнуто, ничего, кроме того, что место одного единственного капиталиста заступило бы некоторое множество капиталистически производящих рабочих. И эти капиталистически производящие рабочие также не были бы в состоянии делать что-либо иное, нежели отдельный капиталист. Следовательно, и рабочие производственные товарищества отклоняются.

Но увидев, что отдельные сообщества не могут в будущем вести ни к чему плодотворному, этим все же не удовлетворяются. Теперь полагают, что все общество какого-нибудь государства, какой-нибудь замкнутой хозяйственной области могло бы некоторым образом все же стать большим товариществом, в котором все в нем участвующие были бы одновременно производителями и потребителями, чтобы непосредственно от себя отдельный человек не развивал инициативы производить то или иное для общества, но чтобы общество само издавало решения, как нужно производить, как производимое должно перераспределяться и так далее. Таким образом хотят на место частновладельческого управления нашей современной хозяйственной

жизни поставить такое большое товарищество, охватывающее потребление и производство.

Кто теперь точнее всматривается и действительность, тот знает, что, в сущности, приверженность такому воззрению об этом большом товариществе возникает из-за того, что в нем труднее увидеть ошибочное, чем в более частных вопросах - огосударствлении, коммунализации, рабочих производственных товариществах, потребительских товариществах. В последних круг того, что надлежит обозревать, меньше, легче увидеть ошибки, которые делаются при стремлении к таким устройствам, чем при большом товариществе, которое охватывает все общество. Здесь говорят во имя того, что хотят делать, и не видят, что должны возникать те же ошибки, которые в малом легко признаются, а в большом не признаются только потому, что сложно обозреть весь предмет. Вот в чем дело. И нужно увидеть, на чем, собственно, основана коренная ошибка мышления, скатывающегося в большое товарищество, которое, как считают, должно из самого себя управлять всем потреблением и производством.

Как, собственно, размышляют, когда хотят осуществить нечто подобное? Это видно из многочисленных партийных программ нашей современности. Как они выступают, эти партийные программы? Говорят: хорошо, вот определенные отрасли производства, которые должны теперь управляться общественно. Затем они опять должны смыкаться в большие отрасли, в большие области управления. Там снова должен быть какой-нибудь центральный орган управления, и так выше вплоть до центра, который управляет всем потреблением и производством. Какие мысли, какие представления применяют, когда хотят так делить хозяйственную жизнь? Применяют именно то, что усвоили из политической жизни, как она развивалась в новой истории человечества. Люди, которые сегодня говорят о хозяйственных программах, большей частью прошли школу чисто политической жизни. Они принимали участие во всем том, что разыгрывается в избирательной борьбе, когда человек избран и в каком-нибудь народном представительстве должен представлять тех, от кого он избран. Они прошли этот путь, приобрели определенное отношение к политическим служебным местам и т. д. Они ознакомились со всем шаблоном политического управления и хотят нахлобучить его на весь кругооборот хозяйственной жизни. Это значит, что согласно таким программам хозяйственная жизнь была бы насквозь политизирована, ибо такие политики были знакомы лишь с политической стороной управления.

Что нам сегодня остро необходимо, так это увидеть, что все эти шаблоны, натягиваемые на хозяйственную жизнь, совершенно ей чужды. Но большинство людей, говорящих о каких-либо реформах хозяйственной жизни или даже о революции в хозяйственной жизни, являются, в основном, просто политиками, которые исходят из суеверия, что будто бы то, что они изучили на политическом поприще,

можно применять в управлении хозяйственной жизнью. Но оздоровление нашего хозяйственного кругооборота наступит только тогда, когда эта хозяйственная жизнь будет рассматриваться и формироваться из своих собственных условий.

Ибо чего требуют такие политизирующие реформаторы хозяйств? Они требуют не меньшего, чем определять в будущем посредством такой иерархии, во-первых, что и как должно производиться. Во-вторых, они требуют, чтобы весь род процесса производства определялся с мест управления. В-третьих, они требуют, чтобы те люди, которые должны участвовать в процессе производства, избирались, назначались и ставились на свои места этими центрами. В-четвертых, они требуют, чтобы эти центры распределяли сырье по отдельным предприятиям. Следовательно, все производство должно быть подчинено иерархии политического управления. Вот до чего доходит большинство реформаторских идей современности в национальной экономике. Не видят только, что с такой реформой полностью остались бы на сегодняшней почве, и ее недостатки не только не были бы устранены, а, напротив, безмерно увеличены. Видят, что с огосударствлением, коммунализацией, потребительскими товариществами, рабочими производственными товариществами ничего не получается, но не видят, что то, что так резко порицают в частно-капиталистической системе, было бы лишь перенесено на общее управление средствами производства.

Вот что сегодня прежде всего должно быть понято: посредством таких мероприятий, таких учреждений везде, где они действительно будут введены, должно будет наступить то, что сегодня уже очень ясно обнаруживается на востоке Европы. Там отдельные люди смогли осуществить такие хозяйственно-реформаторские идеи, воплотить их в действительность. Люди, желающие учиться у фактов, могли бы видеть по судьбе, выпавшей востоку Европы, как эти мероприятия сами себя приводят к абсурду. И если бы люди не хотели упорствовать в своих догмах, а хотели бы действительно учиться у фактов, то сегодня не говорили бы, что хозяйственная социализация в Венгрии не удалась по тем или иным второстепенным причинам, а изучали бы, почему она должна была потерпеть неудачу, и поняли бы, что любая такая социализация лишь разрушает, она не может создать для будущего ничего плодотворного.

Но широким кругам сегодня еще трудно таким образом учиться у фактов. Это лучше всего обнаруживается на вещах, которые собственно социалистическими мыслителями часто приводятся лишь как бы в скобках. Они говорят: да, это верно, вся современная хозяйственная жизнь преобразована современной техникой. Но если бы они хотели продолжить этот ход мыслей, то должны были бы признать связь между современной техникой и знанием предмета и профессиональной умелостью. Они должны были бы видеть, что повсюду эта современная техника вмещивается в само хозяйство. Но они не хотят этого видеть. И

поэтому они говорят как бы в скобках; они ничего не хотят делать с техническими производственными процессами. Пусть последние основываются на самих себе. Они же хотят иметь дело лишь с тем, как люди участвуют в производственных процессах, как они хозяйственно поставлены в жизни, как формируется общественная жизнь для участвующих в производственном процессе людей.

Но все же очевидно, если только хотят видеть, как техника сама вмещивается в непосредственную хозяйственную жизнь. Приведу лишь один пример, который является прямо-таки классическим. Современная техника привела к тому, что, если говорить в целом, с помощью многочисленных машин производятся продукты, которые затем служат для потребления. И эти машины зависят прежде всего от того, что от четырехсот до пятисот миллионов тонн угля вовремя доставлялись для хозяйственной деятельности, пока не разразилась эта военная катастрофа. Если посчитать, сколько хозяйственной энергии, хозяйственных сил производилось посредством машин, которые основаны на человеческих мыслях и могут применяться только благодаря человеческим мыслям, то получается следующий интересный результат: если считать рабочий день восьмичасовым, то получается, что благодаря машинам, то есть благодаря воплощенным в машинах человеческим мыслям, благодаря изобретательскому дару умов вносилось столько рабочей энергии, столько рабочих сил, сколько могли бы внести от семисот до восьмисот миллионов людей.

Поэтому если вы представите себе, что населени Земли примерно полтора миллиарда человек, которые применяют свою рабочую силу, то благодаря изобретательскому дару людей в новом культурном развитии, благодаря техническому развитию добавляется еще семьсот-восемьсот миллионов. Таким образом, работает уже два миллиарда человек; это не значит, что эти семьсот-восемьсот миллионов действительно работают, но за них работают машины. Ведь что работает в машинах? Там работает человеческий дух.

Это необычайно важно, действительно прозревать такие факты, число которых легко можно умножить, ибо из подобных фактов познают, что технику нельзя оставлять за скобками, но что техника как таковая непрерывно активно соучаствует в хозяйственном процессе, что она включена в него. Современную хозяйственную жизнь вообще невозможно представить без лежащих в основе современной техники профессионального и предметного знания.

Когда подобные вещи упускают из виду, то выходит, что считаются не с действительностью, но с предвзятыми, происходящими из чувственного идеями. Идея трехчленности социального организма достаточно честна в социальном вопросе. Но поэтому она не может стоять на почве, на которой стоят те, кто говорит, исходя из лозунгов, партийных программ. Она должна говорить из знания дела. Она

вынуждена, потому что стоит на почве действительности, признать, что хозяйство, особенно в нашей сложной жизни, целиком и полностью коренится в инициативе одиночек. Ставить на место индивидуальной инициативы абстрактную коллективность значит его загасить, это означает смерть хозяйственной жизни. Восток Европы сможет это доказать, если он еще надолго останется под тем господством, под которым он находится сейчас. Это означает погашение, смерть хозяйственной жизни, если у отдельного лица отнять инициативу, которая должна исходить из его духа и должна вливаться в движение средств производства именно для блага человеческого сообщества.

Однако откуда возникло то, что мы сегодня наблюдаем как вред? Современный процесс производства своим техническим совершенством требует частной инициативы, тем самым требует также возможности, чтобы отдельный человек мог распоряжаться капиталом и из своей инициативы вершить процесс производства; это то, что принесло с собой новое человеческое развитие. А вред, который пришел вместе с этим - его источник познается из совершенно других оснований. Желая познать эти основания, нужно прежде всего перейти с почвы кооперативного принципа, даже если имеется в виду большой кооператив, на почву ассоциативного принципа. Что это значит, вместо почвы кооперативного принципа перейти на почву ассоциативного принципа? Это значит следующее; тот, кто встает на почву кооперативного принципа, тот утверждает, что люди нуждаются только в совместных действиях, чтобы принимать решения из своего коллективизма, и тогда они смогут управлять процессом производства. Таким образом, сначала заключается объединение людей, а затем хотят производить, исходя из совместного объединения, из коллектива людей. Идея трехчленного организма стоит на почве действительности, когда говорит: сначала должны быть люди, которые могут производить, которые знают свое дело и профессионально пригодны. От них должен зависеть процесс производства. И эти знающие дело и профессионально пригодные люди должны объединиться и организовать хозяйственную жизнь на основе того производства, которое вытекает из инициативы отдельных лиц. — Вот подлинный ассоциативный принцип. Сначала производится что-то и затем произведенное на основе объединения производящих личностей предоставляется потреблению.

То, что сегодня не замечают различия, радикального различия между двумя принципами, это в известном смысле беда нашего времени. Ибо в принципе из этого понимания происходит все. У людей нет инстинкта того, чтобы видеть, что каждая абстрактная общность должна подрывать процесс производства, если она хочет им управлять. Общность, которая станет ассоциацией, сможет лишь устанавливать, что по инициативе отдельных людей будет производиться, и сможет это социально распределять между потребляющими.

Сегодня не прозревают того важного момента, который лежит в основании этих вещей, ту основу, которую я вчера вывел: что примерно

в то же время, когда в новой истории человечества происходил Ренессанс, Реформация, было и перенасыщение из Средней и Южной Америки благородными металлами, которые привели натуральное до того хозяйство к денежному хозяйству. Этим в Европе совершилась многозначительная хозяйственная революция. Образовались отношения, под влиянием которых мы находимся еще и сегодня. Но эти отношения в то же время, можно сказать, создали завесу, через которую сложно прозревать истинную реальность.

Но всмотримся однажды отчетливо в эти отношения. Начнем со старого натурального хозяйства, хотя сегодня оно для нас и не продолжается. Там в хозяйственном процессе имеют дело только с тем, что производится отдельным человеком. Это можно обменивать на то, что произвели другие. И можно сказать: внутри этого натурального хозяйства, где могут обмениваться только продукт на продукт, должна господствовать известная доброкачественность. Ибо если хотят выменять продукт, в котором нуждаются, должны иметь продукт, который другими принимается как равноценный. Это значит, что люди вынуждены, когда они хотят что-то иметь, также что-то производить. Они вынуждены обменивать то, что имеет реальную, явственно реальную стоимость.

Место этого обмена продуктами, которые имеют реальную ценность для человеческой жизни, заступило денежное хозяйство. И деньги стали чем-то таким, с чем хозяйствуют также, как в натуральном хозяйстве с реальными объектами. Но из-за того, что деньги стали действительно хозяйственным объектом, они морочат людей чем-то нереальным и, действуя так, одновременно тиранят людей.

Возьмем крайний случай: а именно, что кредитное хозяйство, на которое я вчера в конце указал, влилось в денежное хозяйство. Оно часто делает это в последнее время. Тогда оказывается, например, следующее: государство или частное лицо хочет завести какое-нибудь предприятие, телеграф или что-нибудь подобное. Можно получить кредит, кредит весьма значительного размера. Суметь создать телеграфное предприятие. Определенные условия потребуют определенной суммы денег. Но эта сумма денег должна быть ссужена под проценты. Эти проценты надо оплачивать. И что получается во многих случаях, что получается чаще всего в нашей социальной структуре, особенно при огосударствлении, когда государство само ведет хозяйство? Получается, что того, о чем тогда решили и на что затребовали деньги, уже нет, оно давно израсходовано, но за востребованный кредит людям все еще приходится платить! Это значит: то, что было прокредитовано, не существует, но с деньгами еще продолжают возиться.

Такие вещи имеют и общеэкономическое значение. Наполеон III, который был полностью захвачен новыми идеями, увлекся идеей

украсить Париж и велел очень много строить. Министры, которые были его послушными орудиями, строили. Доходов государства — они шли на это — хватало, чтобы только оплачивать проценты. Париж стал гораздо красивее, но люди еще и сегодня оплачивают долги, которые тогда были сделаны! Это значит: после того, как давно больше нет того, что реально лежало в основе, в хозяйстве все еще возятся с деньгами, которые сами стали хозяйственным объектом.

Это имеет и свою светлую сторону. При старом натуральном хозяйстве было необходимо, когда хозяйствуешь, производить блага. Они, разумеется, подлежат порче, они могут утрачиваться, и приходилось все время продолжать работу, производить все новые блага, если они должны были существовать. В случае денег это не так необходимо. Их тратят, одалживают кому-нибудь, помещают на хранение. Это значит, хозяйничают деньгами совершенно свободно от тех, кто производит товары. Деньги некоторым образом эмансипируют людей от непосредственного хозяйственного процесса, а именно, когда они сами становятся хозяйственным процессом. Это чрезвычайно важно. Ибо в старом натуральном хозяйстве отдельное лицо зависело от отдельного лица, человек зависел от человека. Люди должны были сотрудничать, они должны были уживаться друг с другом. Они должны были договариваться об определенных мероприятиях, иначе хозяйственная жизнь не шла бы дальше. При денежном хозяйстве тот, кто становится капиталистом, конечно, также зависит от тех, кто работает, но противостоит им как совершенно чуждый. Как близко стоял также потребитель к производителю в старом натуральном хозяйстве, где имели дело с реальными товарами! Как далек тот, кто хозяйничает деньгами, от тех, кто работает для того, чтобы эти деньги приносили проценты! Между людьми разверзлись пропасти. При денежном хозяйстве люди больше не стоят близко друг к другу. Это прежде всего должно быть принято во внимание, если хотя бы понять, как работающие массы людей, независимо от того, являются ли они духовными или физическими работниками, то есть те, кто действительно производят, снова должны быть приближены к тем, кто вложением капитала делает возможным ведение хозяйства. Это, однако, может произойти только благодаря принципу ассоциации, благодаря тому, что люди снова объединяются как люди. Принцип ассоциации - это требование социальной жизни, но такое требование, которое я охарактеризовал, а не такое, которое часто фигурирует в социалистических программах.

Что еще наступило при все больше и больше преобладавшем денежном хозяйстве нового времени? Из-за него то, что называют человеческим трудом, также стало зависимым от денег. Социалисты и другие спорят о включении человеческой труда в социальную структуру. И за и против того, что выдвигается с обеих сторон, можно привести очень хорошие основания. Вполне понятно, особенно если научились думать и чувствовать не о пролетариате, а с пролетариатом, вполне понятно, когда пролетарий говорит, что его рабочая сила в будущем не должна больше быть товаром, не должно больше

существовать такого отношения, что на товарном рынке с одной стороны оплачиваются товары, а с другой стороны в форме заработной платы оплачивается человеческий труд. И вполне понятно, что Карл Маркс нашел многих сторонников, когда подсчитал, что тот, кто работает, производит прибавочную стоимость, что он не получает полный доход от своей рабочей силы, но производит прибавочную стоимость, что эта прибавочная стоимость достается предпринимателю, и что затем рабочий, по этой теории, борется за прибавочную стоимость. Но, с другой стороны, столь же легко доказать, что заработная плата оплачивается из капитала, что современная хозяйственная жизнь полностью регулируется капиталистическим хозяйством, что известные продукты приносят некоторую прибыль, и что после того, что они принесли, выплачивается заработная плата, покупается работа; значит, заработная плата порождается из капитала. — То и другое можно доказывать одинаково успешно. Можно доказать, что капитал паразитирует на труде, и можно также доказать, что капитал вообще творец заработной платы, словом, можно с равной правотой защищать партийные мнения как с одной, так и с другой стороны.

Это должно быть хорошо понято. Тогда увидели бы, как получается, что в настоящее время стараются достигнуть чего-нибудь преимущественно только борьбой, а не объективным рассмотрением и нахождением реальных взаимоотношений. Труд есть нечто, столь отличное от товаров, что без ущерба для хозяйства совершенно невозможно равным образом платить деньги за товары и за труд. Люди только не видят, каковы взаимосвязи. Именно в этой области они не понимают сегодня хозяйственную структуру.

Сегодня есть много националэкономов, которые говорят: если денежные средства, оборотные средства, то есть металлические или бумажные деньги увеличить произвольным образом, то деньги станут дешевы, и в особенности самые необходимые жизненные товары станут тогда дорогими. — Это замечают, и понимают бессмысленность простого увеличения количества денег. Ибо это простое увеличение количества денег — что вполне очевидно — приводит только к тому, что жизненные средства также становятся дорогими. Тот же бесконечный винт все более и более закручивается. Но не понимают чего-то другого: что когда труд оплачивается также, как товары, труд, разумеется, должен стремиться к тому, чтобы путем борьбы получать все лучшую и лучшую оплату, все большую и большую заработную плату. Но ведь то, что труд приобретает в виде денег в качестве заработной платы, имеет для ценообразования такое же значение, как и простое увеличение денежных средств обращения. Вот что должно быть понято.

Вместо того, чтобы повышать производство, заботиться о большей производительности, вы можете, как это делали многие министры, выпускать банкноты, увеличивать средства обращения. Тогда люди будут иметь больше средств обращения, но все продукты, особенно

необходимые жизненные продукты, также станут дороже. Это люди уже понимают. Поэтому они понимают, как бессмысленно просто абстрактно увеличивать средства обращения. Но не все понимают, что те деньги, которые выпускаются только с целью оплатить труд, точно также действуют на удорожание товаров. Ибо здоровые цены могут возникать лишь в самой самостоятельной хозяйственной жизни. Здоровые цены могут возникать, только если они развиваются из определения стоимости человеческого труда. Поэтому идея трехчленности социального организма — изложить это точнее будет задачей на завтра — старается полностью вычленив труд из хозяйственного процесса.

Труд как таковой вовсе не есть нечто принадлежащее хозяйственному процессу. Подумайте-ка о следующем. Это выглядит странно, парадоксально, но многие вещи, которые должны быть вполне понятны, выглядят сегодня парадоксально. Люди очень далеко отошли от прямого мышления; поэму многое, что должно быть сказано на основе действительности, они находят совсем абсурдным. Представьте, что кто-то сегодня с утра до вечера занимается спортом. Он занимается определенным видом спорта. Он затрачивает ровно столько же рабочей силы, сколько и тот, кто колет дрова; он затрачивает в точности столько же рабочей силы. Дело лишь в том, что один рабочую силу затрачивает для человеческого общества. Тот же, кто занимается спортом, делает это не для человеческого общества, а, по крайней мере, для того, чтобы стать сильным; только, как правило, он эту силу не применяет. Но для общества это, как правило, не имеет никакого значения, если кто-то тратит свою силу для спорта, отчего устает так же, как и от рубки дров. А рубка дров — это имеет значение.

Это значит, что затрата рабочей силы есть нечто такое, о чем социально не может быть речи; но что возникает благодаря затрате рабочей силы - вот о чем идет речь в социальной жизни. Нужно смотреть на то, что возникает посредством рабочей силы. Это имеет ценность для общества. Поэтому в хозяйственной жизни речь может идти лишь о продукте, который производится рабочей силой. И хозяйственное управление может заниматься только регулированием относительной стоимости продуктов. Труд должен находиться полностью вне хозяйственного кругооборота.

Он должен находиться на правовой почве, на почве, которую мы будем обсуждать завтра, где всякий совершеннолетний человек должен выносить суждение как равный всякому другому. Род, время и характер труда будут определяться правовыми соотношениями между людьми. Труд должен быть изъят из хозяйственного процесса. Тогда для хозяйственного процесса останется лишь то, что можно назвать регулированием относительной оценки товаров, регулированием того, сколько человек должен получать из произведенного другим за свои собственные изделия. За это должны отвечать люди, которых выделили ассоциации, заключенные между теми или другими производителями,

производителями и потребителями и т. д. Они будут иметь дело с ценообразованием.

Труд вообще не будет областью, которую надлежит регулировать в хозяйственной жизни; он будет независимым от хозяйственной жизни. Если труд включен в хозяйственную жизнь, то его нужно оплачивать из капитала. Этим как раз и вызывается то, что в хозяйственной жизни нового времени можно назвать стремлением к чистой прибыли, чистому доходу. Ибо таким образом тот, кто хочет производить хозяйственные продукты, находится полностью в процессе, находящем свое завершение на рынке.

И здесь тому, кто хочет стать действительно рассудительным, нужно привести в порядок идею, понятие, которое сегодня формируется очень ошибочно. Говорят: при капитализме производитель поставляет свои продукты на рынок, он хочет получить прибыль. Но после того, как социалистические мыслители долго с известным правом утверждали, что всякие учения о нравственности не должны иметь ничего общего с производством, но только хозяйственное мышление - сегодня очень хотят с этических, с нравственных точек зрения смешать прибыль, доход с нравственным учением. Здесь следует говорить не из односторонне нравственной или односторонне хозяйственной точки зрения, а с точки зрения общества в целом. И тогда нужно спросить: что же это такое, что обнаруживается в доходе, в прибыли? Это нечто такое, о чем, собственно, в действительно народнохозяйственной связи можно говорить только так, как при повышении ртутного столбика термометра говорят, что становится теплее. Когда кто-нибудь говорит: этот ртутный столбик показывает мне, что стало теплее, то он знает, что не этот ртутный столбик согрел комнату, а он только показывает, что благодаря другим факторам в комнате стало теплее. Прибыль на рынке, которая получается при наших сегодняшних производственных отношениях, есть так же прежде всего ничто иное, как показатель того, что мы способны производить продукты, доставляющие прибыль. Ибо я хотел бы узнать, откуда вообще можно получить сегодня какую-нибудь точку опоры для того, что продукт следует производить, если не оказывается, что когда его производят и поставляют на рынок, он дает прибыль? Это единственный показатель того, что хозяйственную структуру сумели сформировать должным образом. Что продукт не следует производить, обнаруживается лишь посредством того, что когда его поставляют на рынок, то замечают, что нет сбыта. Люди не желают его. Не получается никакой прибыли. — Вот действительно положение вещей, а не вся та болтовня и чепуха, которые высказываются о спросе предложении во многих националэкономиях. Первичный феномен, первичное явление в этой области таково, что сегодня единственно только прибыль дает человеку возможность говорить себе: ты можешь производить определенный продукт, ибо он имеет известную стоимость в человеческом обществе.

Преобразование рынка, который сегодня имеет описанное значение, произойдет, если в нашей социальной жизни будет действителен принцип ассоциации. Тогда решать, нужно ли производить продукт или нет, будут не безличные, отделенные от людей спрос и предложение на рынке, тогда из этих ассоциации социальной волей занятых в них людей выйдут личности, которые будут заниматься исследованием соотношения между стоимостью произведенного продукта и его ценой.

О стоимости произведенного продукта сегодня в известном отношении речь совсем не идет. Конечно, стоимость создает побуждение к спросу. Но этот спрос в нашей сегодняшней социальной жизни очень проблематичен, потому что он всегда зависит от того, существуют ли также и соответствующие средства для создания спроса, соответствующие имущественные условия. Можно иметь потребности, но если нет необходимых средств для их удовлетворения, то невозможно создавать спрос. Все дело в том, что между человеческими потребностями, которые дают товарам, изделиям их стоимость, и ценами должно быть создано соединительное звено. Ибо то, в чем нуждаются, имеет согласно этой потребности свою человеческую стоимость. Из социального порядка должны будут выделиться учреждения, наводящие мосты между этой стоимостью, которая запечатлевается изделиям человеческими потребностями, и ценами, которые они должны иметь.

Сегодня цена определяется рынком в соответствии с тем, есть ли там люди, которые могут купить эти товары, у которых есть необходимые деньги. Действительный социальный порядок должен быть ориентирован на то, чтобы люди, которые из своих оправданных потребностей должны иметь товары, могли бы их приобретать, то есть, чтобы цена действительно соответствовала стоимости товара. Место сегодняшнего хаотического рынка должна занять организация, которая не будет тиранизировать потребности человека, потребление человека, как рабочие производственные товарищества или социалистическое всеобщее товарищество, но посредством которой будут исследовать потребление людей и определять, как следует ему соответствовать.

Для этого необходимо, чтобы под влиянием принципа ассоциации действительно наступила возможность производить товары так, чтобы они соответствовали наблюдаемым потребностям, то есть должны существовать учреждения с лицами, изучающими потребности. Статистика может воспринимать только одно мгновение; она никогда не может служить мерилем для будущего. Нужно всякий раз изучать существующие потребности, и в зависимости от них должны действовать производственные организации. Если у некоторого товара тенденция становится слишком дорогим, то это знак того, что слишком мало людей заняты его производством. Должны быть проведены переговоры, благодаря которым будут переведены работники из других отраслей производства, так что этого товара станет производиться больше. Если некоторый товар имеет тенденцию

становиться слишком дешевым, его производители зарабатывают слишком мало, должны быть предприняты переговоры, благодаря которым на производство этого товара будет работать меньше людей. Это значит: от того, как люди будут расставлены по своим местам, в будущем должно зависеть, как будут удовлетворяться потребности. Цена продукта обуславливается числом людей, которые его производят. Но благодаря такой организации стоимость в существенном будет подобна той, которую должна придавать соответствующему товару человеческая потребность.

Здесь мы видим, как вместо случайного рынка будет работать разум человека, как цена станет выражать то, что люди договорились, вошли в соглашения с помощью возникших институтов. Мы видим преобразование рынка так, что разум заступит место случайностям рынка, господствующим сегодня.

Вообще мы видим, что как только хозяйственная жизнь будет отделена от обеих других областей, которые мы будем обсуждать в ближайшие дни — мы будем обсуждать также их отношение к хозяйственной жизни, и многое, что сейчас остается неясным, тогда станет ясным — как только мы отделим хозяйственную жизнь от двух других, правовой или государственной сферы и духовной жизни, хозяйственная жизнь будет тогда поставлена на здоровую, разумную основу. Ибо тогда в ней будут смотреть только на род и способ ведения хозяйства. Поэтому больше не потребуется примешивать к цене товара, чтобы товарная цена также определяла, как долго нужно работать, или как много нужно работать, или величину заработка, или тому подобное, а в хозяйственной жизни нужно будет иметь дело только со сравнительной стоимостью товаров. Тем самым и в хозяйственной жизни встанут на здоровую почву.

Эта здоровая почва должна сохраняться для всей хозяйственной жизни. Поэтому то, что сегодня из-за денежного хозяйства, где деньги сами являются хозяйственным объектом, может быть только кажущимся явлением, в такой хозяйственной жизни будет снова возвращено к своему естественному чистому состоянию. В будущем не смогут хозяйствовать с помощью денег и ради денег, ибо все учреждения должны будут иметь дело с относительной стоимостью товаров. Это значит, снова вернуться к доброкачественности товаров и тем самым вернуться к производительной способности, к деятельности людей. И условия кредитования больше не смогут ставить в зависимость от того, есть ли деньги или нет, или от того, рискуют ли деньгами так или этак, а эти условия будут зависеть от того, есть ли люди, способные к тому, чтобы действительно предоставить то или другое, произвести то или другое. Кредитовать будут человеческую способность.

И поскольку человеческая способность будет ограничивать размер предоставления кредита, такой кредит не сможет предоставляться свыше этой человеческой способности. Если вы просто даете деньги и предоставляете деньгам хозяйствовать, то то, что благодаря этому создается, может быть давно израсходовано — а с деньгами все еще приходится возиться. Если вы даете деньги только под человеческую способность, то, разумеется, вместе с ней прекращается и возможность с этими деньгами вести хозяйство. Об этом мы хотим поговорить в ближайшие дни.

Лишь тогда, когда обе другие области, самостоятельная правовая область и самостоятельная духовная область, стоят в стороне от хозяйственной жизни, хозяйственная жизнь может здоровым образом встать на свои собственные ноги. Тогда, однако, и все в хозяйственной жизни должно само следовать из хозяйственных предпосылок.

Материальные блага будут производиться из хозяйственных предпосылок. Стоит только подумать о чем-либо, что в социальной жизни возникает, хотелось бы сказать, как отходы хозяйственной жизни, чтобы увидеть, что действительно хозяйственное мышление должно устранить многое из того, что еще сегодня в социальном порядке считается самим собой разумеющимся, за что даже борются как за прогресс.

Никто из тех, кто полагает, что понимает нечто в действительной жизни, не думает сегодня еще о том, что переход от всевозможных косвенных налогов или иных сборов государства к так называемому подоходному налогу, особенно к прогрессивному подоходному налогу — совсем не такой уж большой прогресс. Сегодня каждый думает, что облагать налогом доходы справедливо. И все же, как бы это ни звучало парадоксально для современных людей, мысль, что можно достигнуть справедливого налогообложения путем обложения налогом доходов, происходит из обмана, принесенного денежным хозяйством.

Занимают деньги. С помощью денег ведут хозяйство. Посредством денег освобождаются от чистоты самого процесса производства. Известным образом абстрагируют деньги в хозяйственном процессе, как в мыслительном процессе абстрагируют мысли. Но точно так же, как из абстрактных мыслей нельзя высвободить никаких действительных представлений и ощущений, так из денег нельзя выявить ничего действительного, если не принимать во внимание, что деньги это просто знак для товаров, которые производятся, что деньги, некоторым образом, лишь род бухгалтерии, текущая бухгалтерия, что за каждым денежным знаком должен стоять какой-нибудь товар.

Об этом также в следующие дни нужно будет еще сказать точнее. Сегодня, однако, должно быть сказано, что время, которое видит только

то, что деньги становятся самостоятельным хозяйственным объектом, что такое время и должно видеть в денежных доходах прежде всего объект обложения налогом. Но тем самым делают себя, как облагаемых налогом, совиновными в абстрактном денежном хозяйстве! облагают налогом то, что, собственно, не является никаким действительным товаром, а лишь знаком для товара. Работают с чем-то хозяйственно абстрактным. Деньги только тогда становятся чем-то действительным, когда они тратятся. Тогда они переходят в хозяйственный процесс, независимо от того, трачу ли я их ради своего удовольствия или ради своих телесных и духовных потребностей, или я их вкладываю в банк, так что они там затрачиваются на хозяйственный процесс. Если я кладу их в банк, то это род траты, которую я делаю — естественно, чтобы удержать их. Но деньги в хозяйственном процессе становятся чем-то реальным в момент, когда они освобождаются из моего владения, переходят в хозяйственный процесс. Людям нужно помнить лишь одно: если человек получает много, то это не приносит ему ровно никакой пользы. Если он большой доход кладет в тьюфак, то он может это делать; это не принесет ему ровно никакой пользы в хозяйственном процессе. На пользу человеку идет только возможность много тратить.

И для общественной жизни, для действительно продуктивной жизни знаком больших доходов является именно то, что могут много тратить. Поэтому, если хотят в системе налогообложения создать нечто такое, что не паразитировало бы на хозяйственном процессе, если хотят создать то, что было бы действительной преданностью хозяйственного процесса обществу, нужно облагать капитал налогом в тот момент, когда он переводится в хозяйственный процесс. И получается та странность, что налог на доходы должен превратиться в налог на расходы, который я прошу не смешивать с косвенным налогом. Косвенное налогообложение в настоящее время часто выступает как желание известных правителей только потому, что в прямом налогообложении, в налогообложении доходов получают недостаточно. Когда здесь говорится о налоге на расходы, речь идет не о косвенном и прямом налогообложении, а о том, чтобы облагать налогом то, что я заработал, в тот момент, когда оно переходит в хозяйственный процесс, когда оно становится продуктивным.

Как раз на примере налогов видно, как необходимо переучиваться и переосмысливать. Вера в то, что дело преимущественно в налоге на доходы, это сопутствующее явление той денежной системы, которая возникла в современной цивилизации со времени Ренессанса и Реформации. Если поставить хозяйственную жизнь на свою собственную основу, то речь может идти лишь о том, чтобы то, что реально участвует в экономике, что входит в процесс производства, давало бы средства для такого труда, какой необходим обществу. Тогда дело будет в налоге на расходы, а никак не в налоге на доходы.

Видите ли, как я сказал еще вчера, нужно переучиваться и переосмысливать. В этих двух докладах я пока мог указать вам на

некоторые вещи лишь схематически. Многое из этого я должен разъяснить в четырех следующих докладах. Кто сегодня высказывает подобное, тот очень хорошо знает, что должен вызывать недовольство слева и справа, что ему вряд ли отдадут должное, так как все эти вещи погружены в сферу партийных мнений. Но на благо можно надеяться не раньше, чем они снова поднимутся из области, где бушуют партийные страсти, в область предметного, действительно взятого из жизни мышления.

И так хотелось бы, чтобы приступая к трехчленности социального организма, люди судили не по партийным шаблонам, не по партийным принципам, но брали на помощь своему суждению инстинктивное чувство реальности. Партийные мнения и принципы часто отвлекают от чувства реальности. Поэтому все снова и снова испытывают, что как раз те, кто сегодня зависят более или менее просто от потребления, из своих инстинктов очень легко понимают идею о трехчленности социального организма. Но затем приходят вожди, особенно вожди социалистических масс. И нужно сказать, что они совсем не склонны входить в область реальности.

Сегодня, к сожалению, можно заметить то, что также, особенно в хозяйственной области, является неотъемлемой частью социального вопроса: работая для трехчленности, мы на своем опыте ощутили, как говорить массам, и как массы, исходя из своего инстинкта действительности, хорошо понимали, что им говорят! Затем приходят вожди и объявляют; это утопично! — В действительности это только не согласуется с тем, что они десятилетиями привыкли носить и вертеть в своих головах, поэтому они говорят своим сторонникам, что это утопично, не соответствует действительности. И, к сожалению, в настоящее время слишком сильно развилась слепая вера, слепая приверженность, ужасное чувство авторитета в этой области. То, что некогда было достигнуто в чувстве авторитета, скажем, епископами и архиепископами католической церкви, мало по сравнению с сильным чувством авторитета современных рабочих масс по отношению к их вождям. Поэтому вождям сравнительно легко добиваться того, чего они хотят.

Но что требуется, на это указывает прежде всего то, что в этой области является честным, а не то, что говорят по партийным шаблонам. Если мне удастся показать в этих докладах, что то, к чему стремятся посредством трехчленности, действительно честно продумано для общего блага всего человечества, без различия классов, состояний и так далее, тогда в существенном будет достигнуто то, к чему только и можно стремиться посредством таких докладов.

Ответы на вопросы второго доклада

Был задан вопрос, как иначе могло бы пойти развитие в Восточной Европе при существующих обстоятельствах, и не стали ли условия более обещающими по сравнению с царизмом.

Д-р Штайнер: В поистине не столь уж узких кругах сейчас существует мнение, что то, что происходит на Востоке [Европы], есть нечто ужасное — это должно быть сказано, и не надо воспринимать мнение этих кругов ни со страхом, ни с надеждой. Опять-таки существуют круги, которые видят в этом нечто обещающее для будущего. Те, кто с большим или меньшим правом осуждают условия на Востоке, обычно приводят затем то или иное ужасное, что сейчас происходит. Описываются события, и от многого людям уже может стать очень жутко; это ясно. Те, кто хотят оправдать такие вещи, кто на стороне там происходящего, стремятся несколько приукрасить или отрицают ужасные события и тому подобное.

Да, но, видите ли, таким образом не идут дальше. Эти вещи фактически нельзя обсуждать по отдельным симптомам. Сколько угодно журналистов могут ездить на Восток и описывать то, что они там заметили, но на таких описаниях никто не должен строить свое суждение, по той простой причине, что сегодня ни один человек не может судить, например, о том, что из ужасов европейского Востока, которые поистине немалы, следует отнести на счет современных властителей, а что на счет последствий ужасной войны. Эти вещи идут вперемешку: последствия войны и то, что развивается из современных условий. То, что так непосредственно видят и что так непосредственно происходит, может быть предметом довольно милых фельетонных бесед, но для обсуждения положения оно не дает никакой опоры. Здесь нужно быть способным отнестись со вниманием к замыслам, из которых и происходит то, что делается как раз на Востоке для создания человеческого социального будущего.

Итак, господин спрашивает, не думаю ли я, что могло бы быть сделано что-нибудь другое или не являются ли современные условия все же более обещающими, чем прежние.

Так вот, я очень хорошо знаю, сколь мало обещающими были царистские условия. Что они очень многим нравятся, это происходит только от того, что эти люди не создали основу для истинного суждения и не имеют воли к тому, чтобы ее создать. Кто действительно учтет все, в чем виноват царизм, особенно в самое новейшее время, тот возможно, действительно может прийти к вопросу: что лучше, тогдашнее или сегодняшнее? — Но вопрос не может заключаться в этом, а лишь в том, является ли то, что наступило сейчас, в принципе, в существе своем, чем-то таким, что действительно улучшило прежние условия? — Здесь нужно быть в состоянии с вниманием отнестись к намерениям, и в такой области нужно хранить непредвзятое суждение.

Непредвзятое суждение вы можете получить, например, если вы с вниманием отнесетесь к таким намерениям, как намерения Ленина. Прочтите, например, «Государство и революцию» Ленина. Там вы найдете намерения Ленина довоенного времени — книга была написана раньше [Б.В. - ошибка; видимо, имелось в виду "дореволюционного" - книга была написана в середине 1917 г.]. Можно сказать, Ленин в известном смысле даже прав, когда он бранит всех полу- или тричетвертимарксистов и считает себя единственным настоящим, действительно последовательным марксистом: в будущем люди должны были бы так участвовать в социальном порядке, чтобы каждый мог в нем жить "по своим способностям и своим потребностям". Это должно было бы стать будущим состоянием, которое может возникнуть из несправедливого, невозможного порядка. Дальше у Ленина находится в высшей степени интересное разъяснение: но этого нельзя достигнуть с сегодняшними людьми, а можно будет только тогда, когда возникнут другие люди, совершенно другая человеческая раса. Эта совершенно другая человеческая раса сначала должна быть создана. [Б.В. - Сравните, например: мы "вправе лишь говорить о неизбежном отмирании государства, ... оставляя совершенно открытым вопрос о сроках"; высшая фаза коммунизма "предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя" (гл.5, п.4); "мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без без подчинения, без контроля, без "надсмотрщиков и бухгалтеров" не обойдутся" (гл.3,п.3); "уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким невероятно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием ..., что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой. И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства" (гл.5, п.4). - В.И. Ленин "Государство и революция"]

Вы видите, что здесь входят во что-то крайне недействительное, и расчет на нечто такое, на что совсем нельзя надеяться. Ибо посредством порядка, введенного Лениным, этот новый сорт людей совершенно определенно не будет воспитан, и справедливый порядок не сможет быть достигнут. На столь шатком основании стоят осуществляемые намерения. И тут можно ужасаться относительно частностей или находить их необходимыми, хвалить их или порицать — дело не в этом. А дело в том, что здесь берут в расчет несоответствующие действительности мысли. И потому то, что так осуществляется, есть ни что иное, как хищническая эксплуатация прошлого.

Передо мной это выступило так, как иногда симптоматически выступают важнейшие вещи, несколько месяцев тому назад, особенно в Базеле, где я говорил о предмете, о котором говорю перед вами. Тогда

встал один господин, который сказал: да, все это прекрасно и прекрасно было бы, если бы это было осуществлено; но это можно будет осуществить не раньше, чем Ленин станет властителем мира. — Я должен был тогда ответить: если что-нибудь и должно быть социализировано, то дело в том, чтобы прежде всего социализировать власть. Но этот социалист, который был сторонником Ленина, хочет сделать Ленина властителем мира, царем мира или всемирным папой в экономическом смысле. Тогда власть не будет ни социализирована, ни демократизирована, но будет монархизирована, тиранизирована, тогда будет создана автократия (самодержавие). Кто утверждает нечто подобное, тот не понимает, как приступить к социализации власти.

И так для того, кто смотрит точнее, для действительной структуры сегодняшнего Востока [Европы] получается нечто очень страшное: те, кто являются сторонниками намерений сегодняшнего Востока [Европы], верят, что этим что-то будет достигнуто. Нет, то, чего там хотят, по существу не находится в оппозиции к царизму, это есть та же сущность царизма, только развитая дальше для другого класса, худшим образом продолжен царизм, чем он был, поскольку те, кто стоят на крайнем левом крыле радикальных партий, сегодня больше вовсе не сдерживаются, они не являются прогрессивными людьми, но еще более злыми реакционерами, чем были те, кто нес реакцию прежде. Когда выставляется требование диктатуры одного класса, из этого класса вышло бы ни что иное, как тирания отдельных лиц — я не хочу сказать, избранных — это совершенно определено были бы не избранные, но те, кто пускает другим пыль в глаза. Вышла бы тирания тех из данного класса, кто пускает другим пыль в глаза. Произошло бы лишь переворачивание человечества. Но отношения совершенно определено не улучшились бы, а в существенном, скорее, ухудшились бы.

Следовательно, дело здесь в том, чтобы действительно смотреть на принцип, чтобы мыслить, исходя из действительности, а не из предвзятых серых теорий. Видите ли, часто те, кто здраво мыслят, исходя из действительности, имеют очень здравое суждение об отдельных явлениях. Сегодня я разъяснил вам, что господство денег, собственно, действует на действительно социальные состояния расстраивающим образом. Это нужно понять. Оно фактически действует так, что деньги создают отношения власти, тиранизирующие отношения, что на место старой власти завоевания и тому подобного пришла просто власть денег. В Европе такие вещи еще мало понимают. Есть американская поговорка, гласящая приблизительно: разбогатеть просто благодаря капиталистическому хозяйству значит через три поколения снова ходить без штанов! Здесь совершенно ясно выставлена призрачность капиталистического хозяйства, эта саморастворимость, эта мнимость. Можно стать миллиардером, а через три поколения потомки будут, разумеется, ходить без штанов, потому что деньги стали господствовать над людьми.

И вот для тех, кто действует по замыслам Ленина, дело совсем не в том, чтобы найти новые принципы, действительно из жизненных условий человечества исследовать, какой должна быть социальная структура, а в том, чтобы то, что они узнали о капитализме, перенести на крупного капиталиста, которого они формируют на находящейся в их распоряжении территории. Что работало при капиталистической власти, будет продолжать работать при шпионском хозяйстве, протекционистском хозяйстве и любом другом. Прежде говорили: трон и алтарь. Теперь на Востоке говорят: контора и машина. Но суеверие одинаково велико. Именно сегодня речь идет не о том, чтобы ввести новое состояние со старыми понятиями, только с помощью другого класса людей, а о том, чтобы сплотиться вокруг действительно новых принципов, действительно нового понимания.

В конце концов это также происходит из реальности развития. Возьмите снова Америку. Там вы имеете сегодня республиканскую и демократическую партии. Если сегодня изучать эти партии и совсем ничего не знать об истории, то нельзя понять, почему эти партии так называются; ибо Республиканская партия не является республиканской, и Демократическая не является демократической, это представительства клик, каждая из которых представляет свои особые интересы. Названия партий остались от прежних времен. То, что имелось в виду под этими названиями, давно потеряло свое значение. Действительность совсем иная. Сегодня дело совсем не в том, чтобы дать ослепить себя какими-нибудь партийными шаблонами, а в том, чтобы практически смотреть на действительность. Вот в чем все дело.

И кто практически смотрит на действительность Востока [Европы], тот говорит тогда себе следующее. При этом можно, пожалуй, рассказать маленькую историю. Важно, чтобы такие вещи, имеющие отношение к симптоматологии времени не замалчивались полностью. Когда в январе 1918 года я снова приехал из Швейцарии в Берлин, я говорил там с одним человеком, который был очень глубоко вовлечен в события, сильно замешан в них, и который давно знал мои идеи о том, что теперь в средней и восточной Европе должна быть понята идея трехчленности социального организма. Я тогда разработал ее и предложил людям, которые могли над ней работать в соответствии с их тогдашним положением. Упомянутый человек также знал это. Ему казалось очень убедительным, что дело может быть в том, чтобы выйти из беды духовным путем. Об этом тогда уже давно говорилось. Я приехал, как уже сказано — вспомните о том, что было тогда в январе 1918 года — в Берлин. Этот человек — он был военный, высокопоставленный военный — когда я заговорил с ним о безнадежной, невозможной идее опять начать это ужасное весеннее наступление 1918 года — этот человек сказал: чего же вы хотите, разве у Кюльмана не было трехчленности в кармане? — Она была у него в кармане, и все же он пошел на Брест-Литовск.

Это может сегодня выглядеть для вас как сообщения какого-нибудь фантаста, но я знаю, что эта "фантастика" коренится глубоко в действительности. Я знаю, что именно в русском народе таятся задатки к тому, чтобы раньше всех понять идею трехчленности, если ее сообщить ему правильным образом. Это должно было бы наступить как духовная акция вместо невозможной акции Брест-Литовска. Тогда могло бы осуществиться единение между средней Европой и востоком Европы, которое было бы духовной акцией, приходом в себя. Это было бы нечто совершенно иное.

Чем, собственно, было внесение ленинизма в Россию? Я напомним только о том, что Ленин был провезен через Германию в Россию в запломбированном вагоне. Ленинизм есть импорт. Если хотят говорить о "германском милитаризме", то нужно говорить о том, что ленинизм есть импорт.

Но можно, пожалуй, предположить, что такая духовная акция могла бы вызвать нечто совершенно иное, чем тот факт, что этой духовной акции не произошло, и на ее место, на место того, что действует из русского народа, была поставлена абстракция — общая марксистская фраза об осуществлении социальных порядков, которые, если бы они вообще могли быть осуществлены, могли бы быть нахлобучены с тем же успехом как на Россию, так и на Бразилию, Аргентину или на что-нибудь другое, совершенно без знания народных связей, хоть на Луну. Это суеверие, что все можно нахлобучить на что угодно, есть большое несчастье Востока [Европы], это то, что обосновывает там тиранию идей, которая будет ужасной по своим последствиям, так как она хищнически грабит прошлое. Хотя она и столь радикально упраздняет зло, но то, в чем она продуктивна, это пережитки, остатки старого. Но чтобы ей самой стать продуктивной, она должна сойти на нет.

Уйти от беспристрастного обсуждения этих вещей было бы сегодня социальным упущением. Ибо сегодня они поистине чрезвычайно серьезны. Потому что такие важные вещи нельзя обсуждать из какого-нибудь партийного мнения, а нужно обсуждать из всего объема самой действительности. Нужно спросить: что должно было бы сформироваться из основ самого русского общества? Во всяком случае, не ленинизм, который суть абстракция, и такая абстракция, которая к тому же заявляет: сначала должен быть порожден новый тип людей. Поэтому работа Ленина не для русских, а для людей, которых он хочет вырастить с помощью невозможных порядков, которые он сначала вводит. Вот действительный факт.

Поистине в основе того, что я говорю, лежит не какая-нибудь симпатия или антипатия, но стремление к пониманию. Бесплезно сегодня рассматривать эти вещи не в их полной всеобъемлющей серьезности.

Еще меня спросили:

Из чего должна выплачиваться заработная плата, если не из выручки за товар?

Подумать о заработной плате, собственно, очень интересно, но время уже столь позднее, что я могу остановиться на этом лишь вкратце. Примечательно, что мало-помалу прежде всего хозяйственная жизнь стала действовать столь гипнотизирующе, что в то время, когда человечество начало предаваться великому обману, социалистическая программа именно по отношению к таким вещам испытала полное превращение. При изучении современного рабочего движения очень интересно познакомиться с тремя программами: Айзенахской, Готской и Эрфуртской. Если взять эти программы — до Эрфуртской, которая была составлена в 1891 году — то везде найдете, что там еще присутствовало сознание того, что нужно работать из определенных правовых, государственных и политических воззрений. Поэтому в качестве главных требований более старых программ находят отмену заработной платы и установление равных политических прав. Эрфуртская программа, однако, уже полностью является просто хозяйственной программой, но политизирующей, как я сегодня представил. Там в качестве главных требований устанавливается: передача средств производства под общественное управление, в общественную собственность, и производство посредством общества. Программа составлена чисто хозяйственно, хотя задумана политически.

Люди столь сильно мыслят в духе сегодняшнего порядка, сегодняшнего социального порядка, что в широчайших кругах совершенно не замечают, что заработная плата, как таковая, в действительности есть социальная неправда. В действительности отношение таково, что так называемый наемный рабочий сотрудничает с руководителем предприятия, и то, что имеет место, есть в действительности спор — который только прикрывается всевозможными обманчивыми отношениями, большей частью отношениями власти и так далее — о разделе выручки. Если говорить парадоксально, то можно было бы сказать: заработной платы совсем нет, а есть раздел выручки — уже сегодня, только, как правило, сегодня тот, кто хозяйственно слаб, при разделе находит себя обманутым. Вот и все. Дело в том, чтобы нечто, основанное лишь на социальной ошибке, не переносить на действительность. В тот момент, когда социальная структура будет такова, как я представил в моей книге "Основные пункты социального вопроса", станет очевидным, что между так называемым наемным работником и работодателем существует сотрудничество, что эти понятия работающего по найму и работодателя прекращаются, что существует отношение раздела. Тогда отношение заработной платы вообще полностью теряет свое значение.

Но тогда нельзя больше и думать о том, чтобы оплачивать труд как таковой. Это, конечно, другой полюс. Труд будет подчиняться правовому отношению — я буду еще говорить об этом завтра; род и мера труда будет определяться в демократическом общезнании, в правовом государстве. Труд, также, как и природные силы, станет основой хозяйственного порядка, и то, что будет производиться, не будет эталоном для того или иного вознаграждения труда.

То, что будет происходить на почве экономики, будет служить исключительно для оценки произведенного. Здесь дело в том, чтобы познать фундамент, в известном смысле первичную ячейку хозяйственной жизни. Эта первичную ячейку я часто определял так, что говорил: в существенном устройстве, которое я сегодня описал, должно достигать того, чтобы посредством живой деятельности ассоциаций каждый человек в качестве равноценного тому, что он произвел, получал то, что дало бы ему возможность удовлетворять свои потребности до тех пор, пока он снова не произведет такой же продукт. Попросту говоря: если я произвел пару сапог, то благодаря организации, которую я сегодня описал, эти сапоги должны стоить столько, я должен за них получить столько, сколько мне нужно, чтобы снова изготовить пару сапог.

Следовательно, дело совсем не в каком-нибудь определении платы за труд, а в определении взаимной цены. Конечно, должно быть учтено все — поддержка инвалидов, больных, воспитание детей и так далее. Об этом еще нужно будет говорить. Дело в том, чтобы создать такую социальную структуру, посредством которой действительно на первый план будет выдвинуто произведенное, а труд сможет основываться просто на правовом отношении, ибо он не может регулироваться, иначе, чем тем, что один работает для другого. Но это должно регулироваться на правовой почве, это не может стоять на рыночной почве хозяйственных отношений, Завтра вы увидите, что эти вещи в целом также стоят на действительно реальной основе.

Третий доклад

***Вопросы права - задачи и границы демократии,
общественные правовые отношения и уголовное право***

Цюрих, 26 октября 1919 г.

Достигают ли надлежащих взглядов в социальной жизни, это во многих отношениях зависит от того, понимают ли, какие существуют отношения между людьми, совместная жизнь которых и вызывает социальную жизнь, и институтами, внутри которых люди живут. Кто не предвзято смотрит на социальную жизнь, тот сможет открыть, что в конечном счете все институты, все учреждения, какие мы имеем, возникают благодаря мероприятиям, благодаря воле людей. Кто придет к этому взгляду, тот в конце концов скажет себе: в социальной жизни речь идет прежде всего о том, ведут ли себя люди из своих сил, из своих способностей, из своего настроения по отношению к другим людям и так далее как социальные или как несоциальные люди. Люди с социальным образом мыслей, с социальным жизневоззрением формируют учреждения, которые действуют социально. И в очень широком значении можно сказать: в состоянии ли отдельный человек заработать соответствующее пропитание для своих занятий, это будет зависеть от того, как его ближние предоставляют ему средства для пропитания, работают ли они для него так, что он может покрывать свое пропитание своими средствами. Может ли отдельный человек покупать достаточно хлеба — если войти в самое конкретное — будет зависеть именно от того, достигли ли люди таких учреждений, благодаря которым каждый работающий, производящий нечто, может обменять за свой труд, за свое изделие соответствующий хлеб. А в состоянии ли отдельный человек действительно применять свой труд, действительно стоять на таком месте, на котором он может зарабатывать необходимые средства для своего пропитания, это, опять-таки, зависит от того, достигли ли люди, среди которых он живет, социальных институтов, благодаря которым он может занять соответствующее ему место.

Теперь, собственно, от непредвзятого взгляда на общественную жизнь требуется немного, чтобы то, что высказано как аксиома, признать в качестве основы познания социального вопроса. А кто не признает этого, тому этот принцип трудно доказать, потому что он не имеет склонности непредвзято смотреть на жизнь, дабы убедиться — а это возможно на любом отрезке жизни — что это действительно так.

Конечно, для современных людей это воззрение имеет нечто крайне неприятное. Ибо для современного человека очень важно, чтобы только не на самого себя делать ставку. Ему понравится, если сказать, что законы должны быть улучшены, изменены, но он ощутит как затрагивающее его человеческое достоинство, если вынуждены говорить о том, что он сам в своем душевном настроении, в своем жизненном поведении должен подвергнуться изменению. Ему легко может понравиться, когда говорят, что законы должны быть социально

сформированы, но ему не нравится, когда выдвигают требование, что он должен социально формировать сам себя.

И это так потому, что в новом историческом развитии человечества наступило нечто чрезвычайно примечательное. В течение последнего столетия, как я уже указал в первом докладе, хозяйственная жизнь переросла то, что люди сформировали в воззрениях, именно в правовых и духовных воззрениях об этой хозяйственной жизни. В первом докладе я указал на то, что как раз критика общества Вудро Вильсоном доходит до того, что он говорит: хозяйственная жизнь установила свои собственные требования, приняла определенные формы; правовая, духовная жизнь, посредством которых мы стараемся овладеть этой хозяйственной жизнью, остались на старых позициях, они не последовали за хозяйственной жизнью. Но тем самым высказывается вообще глубоко значительный факт нового развития человечества.

С наступлением сложных технических условий и ставших из-за этого необходимыми капиталистических отношений, отношений предпринимательства, хозяйственная жизнь выставила свои требования. Факты хозяйственной жизни, хотелось бы сказать, постепенно ускользают от людей; они, больше или меньше, принимают свой собственный оборот. Человек не нашел сил для того, чтобы из самого себя, посредством своих представлений, своих идей овладеть хозяйственной жизнью. Из мышления об экономических требованиях, из мышления о хозяйственном, как это непосредственно наблюдают, новый человек все больше и больше соглашался формировать свои правовые понятия, а также духовные понятия. Таким образом, можно сказать: характерным в развитии человечества в последние столетия является то, что как правовые понятия, посредством которых люди хотят жить в мире друг с другом, так и понятия о духовной жизни, посредством которых они хотят развивать и формировать свои способности, стали в высокой степени зависимыми от хозяйственной жизни.

Люди совсем не замечают, насколько сильно в это новое время человеческие представления и поведение людей по отношению друг к другу стали зависимыми от хозяйственной жизни. Конечно, люди сами создали также учреждения последних столетий, но они создали их большей частью не из заново обоснованных представлений и идей, а больше из бессознательных импульсов, бессознательных побуждений. И из-за этого возникло нечто такое, что в действительности можно назвать известным анархизмом в структуре социального организма. В двух первых докладах я уже очертил это анархическое с разных точек зрения.

Но в этой анархической социальной структуре нового времени развились именно такие отношения, которые привели пролетарский вопрос к современной форме. Пролетарий, который оторван от своего

ремесла, приставлен к машине, загнан на фабрику — что главным образом видел он, взирая на окружающую жизнь? На своей собственной жизни он видел, преимущественно, как зависимо все то, что он может думать, что он имеет как право относительно других людей, как все это определяется отношениями хозяйственной мощи; отношениями хозяйственной мощи, которые для него прежде всего обусловлены тем, что он хозяйственно слаб против хозяйственно сильного.

Таким образом, можно сказать; у руководящих кругов установилось известное отрицание основной истины, что человеческие установления должны исходить от самих людей и их сознательной жизни. Люди забывали применять эту основную истину в социальной жизни. Руководящие круги постепенно инстинктивно предали жизни — если не вере — которая делала дух и право зависимыми от хозяйственной мощи. Но из этого возникла догма, понимание жизни социалистически мыслящими личностями и их сторонниками. Это понимание жизни исходит из того, что в развитии человечества должно быть так, что человеку нет никакой возможности самому организовывать правовые отношения, духовную жизнь, но духовная и правовая жизнь должны получаться как придатки хозяйственных реальностей, хозяйственных отраслей и так далее.

Так у широких кругов возник социальный вопрос с точки зрения определенного требования. В основе его лежала вера, что хозяйственная жизнь создает правовую жизнь, создает духовную жизнь — следовательно, сама хозяйственная жизнь должна быть преобразована так, чтобы она производила правовую и духовную жизнь соответственно требованиям этих кругов. То, что стало жизненными привычками руководящих кругов, пролетариат сумел поднять в сознание; то, что другие переживали инстинктивно, он сделал догмой, и мы стоим сегодня перед социальным вопросом так, что в широчайших кругах распространился взгляд: нам нужно только преобразовать все остальное — и правовая жизнь, духовная жизнь придут сами собой, так как из хозяйственно правильных, хороших, социально сформированных установлений получится эта духовная и правовая жизнь.

Под влиянием этой точки зрения не было осознано, в чем, собственно, дело в новом социальном вопросе. Он, собственно, закрыт, завуалирован грандиозным обманом, могучей иллюзией этой догмы. В сущности, дело именно в этом: результатом новой истории человечества является как раз то, что зависимость правовой и духовной жизни от хозяйственной жизни должна быть преодолена. И в то время, как широкие социальные круги сегодня думают, что сначала хозяйственная жизнь должна быть сформирована иначе, тогда все остальное получится само собой, нужно поставить вопрос: какие отношения должны быть созданы в самих сферах права и духовной жизни, чтобы из обновленной духовной и правовой жизни возникли хозяйственные отношения, соответствующие требованиям достойного

человека существования? Не "как мы делаем правовую и духовную жизнь все больше к больше зависимой от хозяйственной жизни?" — но "как мы выходим из зависимости?" — вот прежде всего то, о чем нужно спрашивать.

Это рассмотрение очень важно, ибо оно показывает нам, какие существуют препятствия для непредвзятого понимания социального вопроса современности, и как одним из важнейших препятствий является догма, и что многочисленные образованные и необразованные люди современности, пролетарии и непролетарии, просто высмеют того, кто думает, что оздоровление правовой и духовной жизни могло бы прийти как-нибудь с иной стороны, а не путем преобразования хозяйственной жизни.

И моей задачей сегодня будет говорить о правовой жизни, а послезавтра о духовной жизни. Правовая жизнь в своей собственной сущности и значении также многократно ставила людей перед вопросом: каково, собственно, происхождение права? Каково происхождение того, о чем люди в своем взаимном поведении говорят: это справедливо? — Этот вопрос всегда был для людей очень, очень важным. Но очень странно, что у широкого круга рассматривающих социальный вопрос лиц собственно правовой вопрос, хотелось бы сказать, провалился в дыру, его больше совсем не существует. Конечно, академически теоретические разборы сущности, значения права и так далее и сегодня имеются в изобилии, но в социальном рассмотрении широких кругов характерно именно то, что правовой вопрос более или менее исчез.

Чтобы объяснить это, я должен обратить ваше внимание на то, что в настоящее время выступает все чаще и чаще, тогда как еще недавно совсем упускалось из виду. Людям приходится видеть появление нетерпимых социальных явлений. Даже те, кто в своей собственной жизни остаются более или менее незатронутыми этими антисоциальными явлениями, пытаются размышлять о них. И если сравнительно недавно было действительно решительно так, как я сказал, так что, собственно, вызвало бы только смех, если бы от правовых и духовных вопросов ожидали чего-нибудь для хозяйственных отношений, то сегодня уже все больше и больше выступает — но, можно сказать, из темных глубин — утверждение: да, во взаимное социальное поведение людей входит все же что-то наподобие душевных и правовых вопросов; и многое в путанице социальных условий происходит сегодня оттого, что слишком мало принимались во внимание душевные отношения людей, психические и правовые отношения в их самостоятельности. — То есть, поскольку это очевидно, уже отчасти указывается на то, что исцеление должно было бы прийти с другой, не чисто деловой, хозяйственной стороны. Но в практическом обсуждении вопроса это сказывается еще мало.

Красной нитью, пронизывающей все, производимое новым социалистическим мышлением, стало утверждение, что должна быть введена такая общественная структура, в которой люди смогут жить по своим способностям и по своим потребностям. Оформляется ли это более или менее гротескно радикально или больше согласно консервативному образу мыслей, не в этом дело; мы всюду слышим: недостатки современного социального порядка основаны большей частью на том, что человек в нем не в состоянии действительно применять свои способности; с другой стороны, этот общественный порядок таков, что он не может удовлетворять его потребности, именно, что в удовлетворении потребностей господствует определенная неравномерность.

Высказывая это, исходят из двух основных элементов человеческой жизни. Способности это нечто такое, что больше относится к человеческому представлению. Ибо все способности в конечном счете возникают у человека, когда он должен действовать сознательно, из своего представления, из своей мыслительной воли. Конечно, чувство должно постоянно воспалять способности представления, воодушевлять их; но чувство как таковое ничего не может сделать, если нет основополагающего представления. Следовательно, говоря о способностях, говоря также о практической сноровке, приходят в конце концов к жизни представлений. Это открывается множеству людей, что нужно заботиться о том, чтобы человек в социальной структуре мог проявлять свою жизнь представлений. Другое, что затем проявляется, восходит больше к жизненному элементу воли в человеке. Воля, связанная с желанием, с потребностью в том или ином продукте, есть основная сила человеческого существа. И когда говорят, что человек должен мочь жить в социальной структуре по своим потребностям, то взирают на волю.

Следовательно, не зная этого, сами марксисты, очерчивая социальный вопрос и, в сущности, желая верить, что они говорят лишь об установлениях, говорят о человеке. Они действительно говорят об установлениях, об институтах, но они хотят их формировать так, чтобы могла появляться жизнь представлений, человеческие способности, и чтобы человеческие потребности могли удовлетворяться в той мере, как они существуют.

Так вот, в этом воззрении есть нечто очень своеобразное. А именно, в нем совсем не проявляется один жизненный элемент человека, и это жизнь чувств. Видите ли, если бы сказали: имеют целью, хотят достигнуть такой социальной структуры, в которой люди смогут жить согласно своим способностям, своим чувствам и своим потребностям — то охватили бы всего человека. Но странным образом, желая всеобъемлюще охарактеризовать, какова социальная цель людей, опускают жизнь чувств человека. А кто пропускает жизнь чувств в своем рассмотрении человека, тот, собственно, опускает всякое рассмотрение действительных правовых отношений в социальном

организме. Ибо правовые отношения могут развиваться в совместной жизни людей только так, как в этой совместной жизни чувства встречаются одно с другим, шлифуются друг о друга. Какие чувства люди взаимно испытывают друг относительно друга, таким получается общественное право. И поскольку в основном вопросе социального движения опущен жизненный элемент чувства, правовой вопрос должен был, как я сказал, провалиться в дыру, исчезнуть. И дело в том, чтобы именно этот правовой вопрос представить в правильном свете. Конечно, известно, что существует право, но его хотели бы представить просто как придаток хозяйственных отношений.

Как же развивается право в совместной жизни людей? Видите ли, определение права часто пытались дать, но оно, собственно, никогда не выходило удовлетворительным. Столь же мало проку получалось, когда исследовали происхождение нрава, откуда право происходит. Как ни хотели найти ответ на этот вопрос, никогда не выходило чего-нибудь правильного. Почему? Это в точности так же, как если бы из человеческой природы хотели развить речь. Часто говорилось, и это правильно: человек, выросший на необитаемом острове, никогда не пришел бы к речи, ибо речь зажигается другим человеком, человеческим обществом в целом.

Так же из чувства в совместном действии с чувством другого в общественной жизни возгорается право. Нельзя сказать, что право происходит из того или иного угла человека или человечества; а можно только сказать: через свои чувства, которые они взаимно испытывают друг к другу, люди входят в такие отношения, что они закрепляют эти отношения в праве. Следовательно, право есть нечто такое, о чем нужно спрашивать так, чтобы прежде всего взирать на его развитие в человеческом обществе. Но из-за этого рассмотрение права для современного человека приходит как раз в непосредственную близость к тому, что развилось в истории нового человечества как демократическое требование.

К сущности таких требований, какими являются демократические требования, нельзя приблизиться, если не рассматривать само человеческое развитие как род организма. Но современный способ рассмотрения очень, очень далек от этого. Каждый человек, конечно, чувствовал бы смешным и парадоксальным, если бы захотели объяснить развитие человека от рождения до смерти влиянием средств питания, если бы хотели объяснить: потому, что капуста, мол, такая, пшеница такая, говядина такая, человек развивается от рождения до смерти так-то и так-то. Нет, никто не согласится, что это разумный способ объяснения, но каждый признает, что нужно спрашивать: как обосновано в самой человеческой природе, что, например, около седьмого года из этой человеческой природы исходят силы, которые производят смену зубов? Из капусты, из говядины нельзя извлечь следствий о смене зубов. Точно также нужно спрашивать: как из человеческого организма развивается то, что, например, представляет

собой половая зрелость? — и так далее. Нужно вникать в то, что развивается, в его внутреннюю природу.

Но поищите среди сегодняшних способов представления такой, который можно было бы применить к истории развития человечества, которому было бы ясно, что в то время, как человечество развивается на Земле, оно из себя, из своего существа в разные периоды развивает определенные силы и способности, определенные особенности!

Кто научился надлежащим образом рассматривать природу, тот может перенести этот целесообразный способ рассмотрения на историю. И тогда находят, что, исходя из глубин человеческой природы, с середины XV-го столетия развилось именно это требование демократии, и оно более или менее удовлетворяется в разных местностях Земли: чтобы человек в своем поведении по отношению к другим людям мог осуществлять только то, что он сам ощущает как правильное, как соответствующее себе. В новое время демократический принцип из глубины человеческой природы стал сигнатурой человеческого стремления. Этот демократический принцип — элементарное требование нового человечества.

Кто понимает эти вещи, тот, однако, должен принимать их вполне серьезно, должен затем ставить вопрос: каково значение и каковы границы демократического принципа? — Демократический принцип - я его только что охарактеризовал — состоит в том, что живущие совместно в социальном организме люди должны принимать решения, которые исходят от каждого в отдельности. Тогда, конечно, решения могут становиться обязательными для общества только посредством того, что образуется большинство. То, что входит в такие решения большинства, будет демократическим только тогда, когда каждый отдельный человек противостоит другим как равный. Тогда, однако, решения могут приниматься только о том, в чем отдельный человек действительно равен всякому другому человеку. Это значит: на демократической почве могут приниматься только те решения, о которых способен судить каждый взрослый человек благодаря тому, что он стал взрослым. Этим, однако, проводятся — я полагаю, предельно ясно — границы демократии. На почве демократии может быть решено только то, о чем можно судить просто благодаря тому, что стал взрослым человеком.

Этим из демократических мероприятий исключается все то, что относится к развитию человеческих способностей в общественной жизни. Все то, чем является воспитание и обучение, вообще духовная жизнь, требует участия индивидуальности человека — послезавтра мы будем говорить об этом более точно, — требует прежде всего действительного индивидуального человеческого познания, требует от обучающего, от воспитывающего особых индивидуальных способностей, которые вовсе не могут быть присущи человеку просто благодаря тому,

что он стал взрослым. Либо демократию не принимают всерьез, и тогда ей дают решать также обо всем, что зависит от индивидуальных способностей; либо ее принимают всерьез и тогда из демократии должны исключать, с одной стороны, управление духовной жизнью. Нужно, однако, исключать из демократии и то, чем является хозяйственная жизнь. Все, что я развивал вчера, основано на знании дела и профессиональной сноровке, которые отдельный человек приобретает в хозяйственном кругу, в котором он находится. Никогда просто возраст, способность суждения каждого ставшего взрослым человека не могут решать о том, являются ли хорошим земледельцем, хорошим промышленником и тому подобным. Потому также нельзя большинством голосов всех ставших взрослыми принимать решения о том, что должно происходить в области хозяйственной жизни.

Это значит, что демократическое не должно быть ни в основе духовной жизни, ни в основе хозяйственной жизни. Тогда между обеими остается собственно демократическая государственная жизнь, в которой каждый человек противостоит другому как компетентный, взрослый, равный, но в которой решения большинством голосов также могут приниматься только о том, что зависит от равной способности суждения всех взрослых людей.

Кто высказывает вещи, о которых я только что говорил, не просто мысля абстрактно, но меряет их жизнью, тот видит, что люди заблуждаются в них именно потому, что их неудобно представлять, потому, что не хотят развивать мужество добираться до заключительных выводов из этого человеческого представления.

Однако то, что этого не хотят, что всеобщему требованию демократии не противопоставляют совершенно другого, имеет в новом развитии человечества очень, очень практическое значение. Я хотел бы обрисовать эти вещи гораздо меньше из абстрактных принципов, чем из самого исторического развития человечества.

В эти годы мы видели гибель одного государства, хотелось бы сказать: видели гибель его из своих собственных условий, и это государство можно рассматривать именно как экспериментальный объект также для правовых вопросов. Это старая, больше не существующая Австро-Венгрия. Кто прослеживал военные годы, тот знает, что хотя в конечном счете Австрия пала из-за чисто военных событий, но распад этого австрийского государства последовал как вторичное явление, как нечто, произошедшее из его внутренних состояний. Это государство распалось, и оно, вероятно, распалось бы и в том случае, если бы на долю Австрии выпали более снисходительные военные события. Это можно утверждать десятилетиями, наблюдая эти отношения в Австрии, как это было возможно тому, кто здесь выступает перед вами; я провел в Австрии тридцать лет своей жизни.

В шестидесятых годах прошлого столетия в Австрии выступило требование демократии, то есть народного представительства. Как же было сформировано это народное представительство? Оно было сформировано так, что представители народа набирались в австрийский Государственный Совет из четырех курий чисто хозяйственного рода: во-первых, курии крупных землевладельцев; во-вторых, города, рынки и индустриальные центры, вторая курия; в-третьих, торговые палаты, третья курия; четвертой курией были земельные общины, но и там принимались в соображение в сущности только хозяйственные интересы. Следовательно, своих представителей в австрийский Государственный Совет выбирали по тому, принадлежат ли они земельной общине, торговой палате и так далее. И там сидели вместе представители чисто хозяйственных интересов. Решения, которые принимались большинством голосов, исходили, разумеется, от отдельных людей, но отдельные люди представляли такие интересы, какие возникали у них из хозяйственной принадлежности. И что за права, принимавшиеся большинством голосов, возникали посредством этого? Права, которые были лишь преобразованными хозяйственными интересами. Ибо, разумеется, если, например, торговые палаты были заодно с крупными землевладельцами по какому-нибудь вопросу, то большинством голосов могло быть принято решение вопреки интересу меньшинства, которого, может быть, дело как раз касалось. Когда в парламентах заседают представители хозяйственных интересов, то всегда можно составить большинство, которое примет решение установить права, которые, однако, не будут иметь ничего общего с тем, что как правовое сознание возникает из человеческих чувств.

Или возьмите тот факт, что, например, в старом германском парламенте заседала большая партия, называвшая себя центром, которая представляла чисто духовные интересы, а именно католически-духовные. Эта партия могла объединяться с любой другой, чтобы получить большинство, и так чисто духовные потребности превращались в публичные права. Это происходило бесчисленное количество раз.

Что живет в этих стремящихся к демократии современных парламентах, замечали не раз. Но не понимают, что должно произойти: подлинное выделение правовой жизни из того, что является представительством, управлением хозяйственных интересов. Импульс к трехчленности социального организма должен поэтому самым решительным образом требовать отделения правовой жизни, правовой почвы от органов управления хозяйственными отношениями, от управления хозяйственным кругооборотом.

В хозяйственном кругообороте должны образовываться ассоциации, как я говорил вчера. Друг другу будут противостоять профессии, производители и потребители. То, что будет происходить в чисто

хозяйственных явлениях и мероприятиях, будет основано на соглашениях, которые ассоциации будут заключать между собой. В хозяйственной жизни все будет основано на соглашениях, на взаимных работах. Корпорации там будут противостоять корпорациям. Решающее значение там будет иметь знание дела и профессиональное умение. Дело будет не в том, каково мое мнение, скажем, если я промышленник, какое значение должна иметь именно моя отрасль индустрии в общественной жизни; нет, об этом я не могу принимать никаких решений, если хозяйственная жизнь самостоятельна, но я должен буду работать в своей отрасли индустрии, должен буду заключать соглашения с ассоциациями другой отрасли индустрии, а они должны будут оказывать мне взаимные услуги. Буду ли я в состоянии побудить их к сотрудничеству, от этого будет зависеть, смогу ли я сбывать свои изделия. Ассоциация способностей будет заключаться как соглашение. Вот каковы факты.

Иначе должна разыгрываться жизнь на правовой почве. На правовой почве человек может противостоять человеку. Там речь может идти только об установлении законов, которые регулируют общественные права путем решений большинства. Конечно, очень многие люди говорят: что же такое, в конце концов, общественное право? Сформулированное в словах, введенное в закон, это ни что иное, как то, что живет в хозяйственных отношениях! — Во многих отношениях это так. Но идея трехчленности социального организма не оставляет это без внимания, как она вообще не оставляет без внимания действительность; какое решение оказывается справедливым на демократической почве, то ведущие хозяйство люди, разумеется, вносят в хозяйственную жизнь. Только не следует это сначала извлекать и делать правом. Вы вносите это в хозяйственную жизнь.

Абстрактно мыслящие говорят: да, но то, что один ведет хозяйство с другим, если он выдает вексель или тому подобное, и что там получается по вексельному праву, разве это не полностью содержится в хозяйственной жизни? Разве это не представляет полного единства? И вот приходишь ты со своей трехчленностью и хочешь теперь разъединить то, что в жизни является полным единством!

Как будто в жизни — именно в жизни, в которую человек со своими мнениями не имеет доступа и которую поэтому он не может испортить — нет множества областей, где силовые потоки с разных сторон связываются в единство! Представьте себе только подрастающего человека: он имеет разные свойства с двух сторон, через наследование и через воспитание. Но если вы в пятнадцать лет что-нибудь делаете, то вы не можете сказать, что то, что вы делаете, не является единством! Результат наследственности и результат вашего воспитания сливаются в единство! Благодаря этому внутри живет единство, но лишь потому поистине как единство, что оно сливается с двух сторон.

Так из действительности жизни для идеи социального трехчленного организма получается, что здоровое единство для деятельности в хозяйственном возникает только постольку, поскольку правовые понятия включаются в нее так, что хозяйственные мероприятия самостоятельно управляются с хозяйственных точек зрения, и что права создаются на демократической почве. Тогда люди приводят это в единство. Это работает совместно, тогда как, если вы дадите правам возникнуть из интересов самого хозяйствования, то сделаете права карикатурами. Тогда право является только фотографией, отпечатком хозяйственного интереса. Права совсем нет. Только посредством того, что вы даете праву возникнуть первоначально и изначально на своей самостоятельной демократической почве, можете вы его вносить в хозяйственную жизнь.

Следовало бы полагать, что это настолько ясно, что не нуждается в дальнейших объяснениях. Но наше время имеет как раз ту особенность, что яснейшие истины затемняются и искажаются. На том же основании, на котором развивается множество социалистических воззрений, сегодня думают, что зависимость правовой жизни от хозяйственной как раз должна продолжаться. Вчера я показал вам, как по политическому образцу хотят основать своего рода иерархию, и как с ее помощью стремятся регулировать и управлять хозяйственной жизнью. Тогда, полагают те, кто управляет хозяйственной жизнью, между прочим будут развивать уже и права. Утверждая это, не понимают конкретной, действительной жизни. Не хозяйственная жизнь, в которой прежде всего нужно быть способным к формированию условий производства, может порождать правовые отношения, но они должны возникать рядом с хозяйственной жизнью из своего собственного источника. Они никогда не будут создаваться просто путем размышления, но благодаря тому, что конкретно рядом с хозяйственным кругооборотом развивается государственный элемент, в котором отдельный индивидуальный человек противостоит другому индивидуальному человеку.

Дело не в том, чтобы люди из какого-нибудь первоначального сознания хозяйственников производили также и правовые законы, а в том, чтобы сначала создать конкретную почву, на которой люди благодаря своим чувствам войдут в такие отношения, что смогут преобразовать их в правовые отношения. Дело в том, чтобы создать некую реальность наряду с хозяйственной жизнью. Тогда право будет не просто надстройкой над хозяйственной жизнью, а самостоятельно формирующейся сущностью. Тогда основная ошибка, суеверие социального вопроса, будто для того, чтобы прийти к другим правовым понятиям, нужно только преобразовать хозяйственную жизнь, это суеверие будет преодолено не теоретическим ответом, тогда реальность творящего социального организма будет создаваться просто тем, что будут создавать самостоятельную правовую почву; реальность, из которой посредством человеческого общения и человеческих связей возникнет та мощная движущая сила правовой жизни, которая сможет освоить хозяйственную жизнь.

И, наконец, историческое рассмотрение нового времени, с другой стороны, также указывает на то, что я сейчас разъяснял. Взгляните на побуждения, которые люди имели для своих ремесленных и прочих работ вплоть до XIII-го, XIV-го столетий. Современные социалистические мыслители часто подчеркивают, что человек отделен от средств производства. В такой высокой степени, как сейчас, он стал отделенным только современными хозяйственными отношениями. Особенно он отделен от продуктов своего труда. Фабричный рабочий, какую долю имеет он в том, что предприниматель потом продает? Что он знает об этом? Что он знает о пути, который продукты его труда проделывают в мире? Маленький кусочек большой связи! Он, пожалуй, никогда не встречает большую связь лицом к лицу. Подумайте, какое огромное отличие от старого ремесла, где отдельный работник имел удовлетворение в том, что он производил — кто знает историю, тот знает, что это было так; подумайте о личном отношении человека к изготовлению ключей от двери, замка и тому подобного. Если приехать в местности, где сохранился старый уклад, то это еще можно наблюдать, но если он не сохранился, то такого опыта больше не получишь. Однажды — извините, что я рассказываю нечто личное, но, может быть, оно послужит для характеристики — я приехал в такую местность и был чрезвычайно восхищен, когда зашел в парикмахерскую и подмастерье был очень рад, что он может красиво подстричь человека! Он был рад тому, что он делал. Теперь все меньше и меньше такой личной связи между человеком и его производением. Что такой связи нет, это просто требование современной хозяйственной жизни. Это не может быть иначе в сложных условиях, когда мы должны работать при разделении труда. А если бы у нас не было разделения труда, то не было бы современной жизни со всем тем, что нам необходимо, не было бы никакого прогресса. Существование старого отношения между человеком и продуктом его труда невозможно.

Но человек нуждается в отношении к своему труду. Человеку нужно, чтобы могла существовать радость в его отношении к своей работе, известная преданность своей работе. Прежней преданности, непосредственного совместного бытия с произведенным объектом, больше нет, но они должны быть заменены чем-то другим. Ибо для человеческой природы невыносимо, чтобы не было побуждения к работе, подобного радости непосредственного создания объекта. Она должна быть заменена чем-то другим. Чем же она может быть заменена? Только тем, что горизонт человека будет расширен, что люди будут вызваны на тот план, где они встретятся со своими современниками в широком кругу — в конечном счете со всеми современниками, обитающими в том же социальном организме — чтобы развивать интерес к людям. Должно быть так, чтобы даже тому, кто работает для большого целого в самом потаенном углу над одним-единственным винтом, не нужно было бы раскрывать свое личное отношение в созерцании этого винта, но чтобы он мог вносить в свой цех то, что он воспринял как чувства к другим людям, чтобы он снова находил это, выйдя из своего цеха, чтобы он имел живое воззрение на свою связь с

человеческим обществом, чтобы даже тогда, когда у него нет радости непосредственного создания продукта, он мог бы работать потому, что чувствует себя достойным членом в кругу своих сограждан.

Из этого стремления произошло современное требование демократии и современный способ демократическим образом устанавливать право, общественное право. Эти вещи внутренне связаны с сущностью развития человечества. И это может ясно понимать лишь тот, кто имеет склонность действительно заглядывать в сущность развития человечества, как оно разыгрывается на социальной почве. Нужно чувствовать, как должен быть расширен горизонт человека, чтобы вы ощутили: конечно, я не знаю, что я делаю для своих сограждан, изготавливая здесь этот винт, но я знаю, что благодаря жизненным связям, в которые я вступаю с ними посредством официального права, я являюсь достойным членом общественной порядка, равным всем другим.

Вот что должно лежать в основе современной демократии и что, действуя в чувстве между людьми, должно лежать в основе современных общественных правовых положений. И только благодаря тому, что так заглядывают во внутреннюю структуру человека, приходят к действительно современным понятиям о том, что должно развиваться во всех областях как общественное право. Более точно нам предстоит говорить об этом еще в пятом докладе. Сейчас в заключение, однако, я хочу показать вам, как область права затрагивает из собственно правовой и духовную основу.

Просто просматривая условия, которые я вам сейчас охарактеризовал, можно видеть, что путем шлифования чувства о чувство равноправных людей на демократической почве возникают законы, тогда как на хозяйственной почве возникают соглашения между коалициями или также между отдельными людьми. С момента, когда речь заходит о том, что человек должен искать решения в своем праве, гражданском, частном или еще каком-либо, а также уголовном, с этого момента право переходит с собственно правовой почвы на почву духовной жизни. Здесь снова есть одна точка — равно как и при налоговом законодательстве — где современное человеческое представление еще долго не привыкнет к тому, что, собственно, если вдаваться в основные условия, получается как само собой разумеющееся.

Видите ли, когда речь идет о том, чтобы судить, как существующий закон применить к отдельному человеку, тогда принимают во внимание индивидуальное оценивание этого человека; тут принимают во внимание, чтобы действительно благодаря своим духовным способностям можно было стать на место этого отдельного человека. Развитие уголовного права, гражданского права не может стоять на общей правовой почве, оно должно быть передвинуто на почву, более

глубокая особенность которой будет разъяснена послезавтра при обсуждении духовной жизни. Оно может стать правовым действием лишь благодаря тому, что каждый, становящийся судьей, действительно ставился бы в положение судить из индивидуальных способностей, индивидуального отношения к человеку, о котором надлежит судить. Можно, пожалуй, предположить, что нечто подобное может быть достигнуто самыми разными способами. В своих "Основных пунктах социального вопроса" я обратил внимание на один способ, как это может быть достигнуто.

В трехчленном социальном организме существует самостоятельное, охарактеризованное вчера хозяйственное управление, существует демократическая, правовая почва, которую я сегодня набросал и должен буду обрисовать дальше в пятом докладе, в ее взаимодействии с другими областями. Существует, однако, также самостоятельная духовная жизнь, где прежде всего дело обучения и воспитания управляется таким образом, как я указывал вчера, а послезавтра буду излагать дальше. Тогда те, кто управляет духовной жизнью, должны будут в то же время назначать судей, и каждый человек будет иметь право и возможность - скажем, даже просто на продолжительное время - определять, каким судьей он хочет быть судим, если он будет подлежать суду за какое-нибудь гражданское или уголовное правонарушение. Тогда человек определит себе судью из действительных индивидуальных отношений. Тогда судья, который будет не юридическим бюрократом, а будет приглашен из духовного организма, сможет также из связей, в которые он в социальном отношении поставлен в своей среде, установить, как надлежит из социальной среды судить о том, кто попал под суд. Дело будет в том, чтобы судья приглашался не из государственных потребностей, а чтобы основания, по которым приглашается судья, были подобны тем, которые действуют в свободной духовной жизни для того, чтобы поставить на какое-нибудь место наилучшего воспитателя. Становление судьей будет чем-то подобным становлению учителем или воспитателем.

Конечно, тем самым судебное определение права будет отклоняться от учреждения права демократическим путем. Именно на этом примере развития уголовного права мы видим, как перерастает демократию то, что является личным делом человека, что должно и обсуждаться индивидуальным образом. Судебное определение права - это в высшем смысле социальное дело. В тот момент, когда бывают вынуждены обратиться к судье, как правило, речь идет о над- или анти-социальном деле, о чем-то выпадающем из общественной жизни. Такими делами, в сущности, являются все индивидуальные дела людей. Такие дела относятся к одной из ветвей управления духовной жизнью, к управлению определением прав. Определение прав перерастает границы демократии.

Дело, таким образом, в том, чтобы в реальности установить то, что как реальность вызывает среди людей правовая жизнь. Тогда эта правовая жизнь будет не надстройкой хозяйственной жизни, а будет вращиваться в хозяйственную жизнь. К тому, что должно происходить в этой области, никогда не придут просто путем теоретического рассмотрения, а только посредством того, что вглядываются в практическую жизнь и говорят себе: действительная правовая жизнь, обладающая соответствующей движущей силой, может возникать, только если создана самостоятельная правовая почва. Эта правовая почва исчезла под затопившей все хозяйственной жизнью. Правовая жизнь стала придатком хозяйственной жизни. Она снова должна стать самостоятельной, так же как и духовная жизнь должна эмансипироваться от хозяйственной жизни. Для ясного видения в социальном вопросе должно быть преодолено серьезное заблуждение - о том, что достаточно преобразовать хозяйственную организацию, тогда все остальное получится само собой. Это заблуждение возникло только из-за того, что в новое время могущественной стала лишь хозяйственная жизнь. Люди поддались внушению исключительной мощи хозяйственной жизни. Посредством этого нельзя никогда прийти к решению социального вопроса. Люди предадутся иллюзиям, именно иллюзиям пролетариата. Они захотят высосать из хозяйственной жизни то, что они называют "справедливым распределением благ". Но справедливое распределение благ будет достигнуто, только если в общественном организме найдутся люди, способные создать соответствующие установления, удовлетворяющие хозяйственным требованиям. Это может произойти, только если поймут, что для удовлетворения социального требования дело не в одних лишь преобразованиях хозяйственной жизни, а в том, чтобы ответить на вопрос: что должно быть установлено наряду с хозяйственной жизнью, чтобы эта хозяйственная жизнь постоянно социально формировалась социальными людьми, которые будут социальными людьми в правовой и духовной жизни.

Вот что как истина должно противопоставить себя суеверию, догме. И тем, кто ищет единственное целебное средство для оздоровления социальной жизни в хозяйственной жизни, должно быть указано на дух и на право. Они должны не грезить о том, что право есть лишь дым, поднимающийся над хозяйственной жизнью, но мыслить в соответствии с действительностью: именно потому, что в новое время право и правовое сознание отступили, будучи затоплены хозяйственной жизнью, для социального формирования нашего общественного организма нам необходимо реальное создание правового организма с соответствующей движущей силой.

Ответы на вопросы третьего доклада

Как посредством самостоятельного права может регулироваться хозяйство?

Тут нужно принять во внимание, насколько отличен трехчленный организм, о котором здесь идет речь, от того, что находят в платоновом государстве как разделение людей социального организма на три сословия: питающее, защищающее и обучающее. Среди всевозможных недоразумений должно встретиться также и такое: мол, эта трехчленность из духовного, правового или государственного и из хозяйственного организмов, это, так сказать, подогретый платонов принцип об обучающем сословии, совпадающем с духовным организмом — как полагают, защищающем сословии, иными словами государственном правовом организме, и питающем сословии, равном хозяйственному организму. Но это совсем не так. Это полная противоположность. При трехчленности социального организма дело именно в том, чтобы управления соответствующих областей человеческой жизни были отделены друг от друга, чтобы, следовательно, не люди были разделены на сословия, но чтобы то, что отделено от людей, управление организациями распадалось бы на три члена, которые должны сотрудничать именно посредством живых людей. Живой человек участвует во всех трех областях. Постепенно в человечестве возникло сознание того, что, собственно, недостойно человека развивать классовые различия, сословные различия и так далее. Реально они будут преодолены, только если социальный организм делится согласно объективному, согласно тому, что отделено от человека.

Таким образом, нужно представлять, например, следующее. В пятом докладе я еще буду говорить о подобном. Кто достигнет воззрения действительно свободной духовной жизни, тот сможет увидеть, что эта действительно свободная духовная жизнь совсем не абстрактна, как сегодняшняя духовная жизнь. Сегодня она знает, или, по крайней мере, могла бы знать всевозможные философские, религиозные мировоззрения и тому подобное. Подумайте только, насколько абстрактными, чуждыми жизни стали эти мировоззрения. Нужно только вспомнить о том, что сегодня купец, государственный деятель, промышленник, сельский хозяин может иметь свои этические, эстетические, научные, религиозные воззрения и наряду с этим он имеет управление своей службой, своим хозяйством и так далее. И то, и другое протекает как бы само по себе. Это происходит оттого, что в области духовной жизни мы, в сущности, сегодня все еще имеем продолжение старой греческой духовной жизни, произошедшей из совершенно иных социальных отношений. Этого люди большей частью не знают, но, фактически, в нашем социальном образе мыслей мы имеем продолжение греческой духовной жизни, основанной на том, что вполне достойное человека существование ведет лишь тот, кто, собственно, не работает, кто заботится о политике и самое большое присматривает за сельским хозяйством и тому подобным. Тот, кто работает, тот, в действительности, не принадлежит к людям, в высшем смысле принимаемым во внимание. У греков это было в крови, так

относиться к людям, и на это равнялась вся духовная жизнь. Греческая духовная жизнь не мыслима иначе, как надстройка над широким нижним слоем людей, которые не могли участвовать в греческой духовной жизни как таковой.

Но это воззрение на духовную жизнь осталось в нашем чувстве. Поистине не следует судить о таких вещах пристрастно, их нужно принимать во внимание: руководящие круги часто очень абстрактным образом смотрят на то, чем является человеческое братство, любовь к ближнему, и так далее. Возьмем яркий пример. В середине 19-го столетия, когда люди размышляли о любви к ближнему, братстве с точки зрения их религиозного, их этического мировоззрения, было проведено статистическое обследование о вреде горных работ в Англии. Оказалось, что на самом деле девяти-, одиннадцати-, тринадцатилетние дети спускались в шахты до восхода Солнца и выходили из них только после захода Солнца, так что бедные дети целыми днями не видели солнечного света, и так всю неделю, за исключением воскресенья. Да, и с углем, добытым таким образом, в хорошо натопленных комнатах образованные классы беседовали затем в своем чуждом жизни мировоззрении о братстве, о любви к ближнему, развивали свои этические взгляды, развивали даже мнение, что этическим человеком является лишь тот, кто любит всех своих сограждан без различия сословий и так далее.

Но такая духовная жизнь — и эта черта, в сущности, проходит через всю нашу духовную жизнь — чужда реальной жизни. Это духовная жизнь, которую имеют внутри и которой недостает сил проникать вплоть до реальной жизни. Подумайте, какая пропасть существует между тем, что купец переживает в своем эстетическом, в своем религиозном образовании, и тем, что он записывает в своей кассовой книге. Правда, на первой странице там стоит "с Богом", но все это мало имеет отношения к Богу, которого он почитает в своем сердце.

Так вот, видите ли, здесь вы имеете глубокую пропасть между абстрактной духовной жизнью и внешней конкретной действительностью. К этой пропасти сегодня привыкли как к чему-то само собой разумеющемуся. Есть философы, которые занимаются доброжелательностью, добротой, любовью к ближнему и всем возможным. Но если вы возьмете такую философскую книгу, то не сможете из нее почерпнуть какого-нибудь руководства, как нужно сформировать банк. Духовная жизнь, которая действительно эмансипирована, поставлена на собственные ноги, снова свяжет жизненную практику с духовной деятельностью, с тем, чем является духовная жизнь.

Кто выслушает мой послезавтрашний доклад [#4], тот больше не будет полагать, будто я хочу в каких-то деталях придать чисто духовной жизни материалистические черты. Вы увидите, что имеет место прямо

противоположное. Но как раз не желая этого, а желая поставить духовную жизнь на ее духовные основы, и нельзя склоняться к тому, чтобы обращаться с материальной жизнью как с чем-либо чуждым духовной жизни, а, наоборот, следует обращаться с духом так, чтобы он мог погружаться в непосредственную действительность. Сегодня люди уже удивляются, когда им говорят это так конкретно.

Например, один промышленник спросил меня: "Таким образом, вы хотите, чтобы, например, практика, имеющего какую-то практическую профессию, хорошо в ней разбирающегося, если у него есть способность — если духовное управление находит, что у него есть способность — будь ему 35, 40 лет от роду, приглашали, совершенно безразлично в какой области знания это происходит, учить теперь а какой-нибудь высшей или низшей школе известное число лет?". Тогда он всегда приходит из практики! Духовная жизнь отделена от хозяйственной жизни. Но тот, кто ведет хозяйство, как раз применяет то, что он усваивает в отделенной духовной жизни: происходит постоянный переход туда и обратно. "Но человек, согласно своим способностям, должен быть поставлен на какой-то конкретный пост. Знаете, на моем предприятии, на моей фабрике есть человек, который устроен так, что все время требует, чтобы я организовал для него химическую лабораторию, в которой только он и может производить эксперименты. Люди поистине разнообразны!" Да, они таковы, они различны, ибо они так воспитаны условиями нового времени. На самом же деле никто не может действительно участвовать в духовной жизни, если он не может поставить себя в практической жизни. Только тогда, когда человек может везде вносить дух в практическую жизнь, он может поставить себя и в духовной жизни.

Так, именно благодаря тому, что то, что отделено от человека, стало трехчленным, разделенное сводится вместе людьми. Следовательно, когда в демократическом государстве возникает право, то люди деятельные в хозяйственной жизни, будут вносить право в хозяйственную жизнь, будут принимать такие установления, которые соответствуют праву. Оно вносится не посредством абстрактных мер и тому подобного, а живыми людьми. Вот в чем здесь дело: в основе социальных установлений снова поставить живого человека. Вот что я хотел бы ответить на этот вопрос.

Видите ли, так же и в отдельных областях получится, что знание сможет стать плодотворным для жизни. Посмотрите сегодня на большое число университетов. Там учат также педагогике. Да, философы учат педагогике как второстепенному предмету, в котором они, как правило, мало понимают. В здоровом социальном организме какой-нибудь пригодный школьный учитель, который умеет практически вести обучение, должен будет два или три года учить педагогике; затем он снова возвратится к своей практической профессии. Так будет во всей жизни. Благодаря тому, что то, что отделено от человека, тройственно разделено, человек будет в

состоянии вносить в каждую из этих областей то, что в своей самостоятельности проявляется в другой области.

Кто будет судить в торговых делах — не одни только советники из культурной области, у которых нет профессиональных знаний, и не одни только профессиональные эксперты?

В основном, на многое из этого вопроса уже отвечено тем, что я только что сказал. Посредством формирования нашей духовной жизни человек будет подготовлен так, чтобы быть настоящим советником, настоящим купцом и тому подобным. Дело не в том, что именно в трехчленном социальном организме с самостоятельной духовной жизнью так будут учить, а в том, что благодаря тому, как, каким образом духовная жизнь ставит свои собственные условия, человек придет к известной жизненной практике и сможет формировать ее. Совсем не нужно иметь надлежащее суждение в каждой области. Это именно то, чего не может быть и на что не следует рассчитывать. О том, чтобы в торговом суде сидел подходящий человек, должно, конечно, заботиться духовное управление, потому что в духовном управлении будут сидеть и те люди, которые понимают кое-что в торговых законах. Знание не будет, как сегодня, централизовано по профессиям, но благодаря тому, кем являются друг для друга люди в корпорациях духовной организации, и будет возможно соответствующим образом составить такой суд, составить его надлежащим образом, а не из какой-нибудь хозяйственной потребности и тому подобного. [Б.В. - слово "духовный" здесь и в других местах этого цикла употребляется как взаимозаменяемое со словом "культурный".]

Как можно правильно установить потребности человека или правильную оценку произведенного им изделия, если потребности человека в товарах столь различны?

Как раз потому, что они различны, должны быть созданы реальные установления, реальные институты, направленные на то, чтобы существовали люди, изучающие эти потребности, познающие эти потребности. Такие вещи не висят в воздухе, они могут быть поставлены на совершенно реальную почву. Я мог бы привести вам маленький пример. Существует одно общество, есть даже его подписи под плакатами: Антропософское Общество. Наряду с тем, что ему приписывают многие люди, оно занимается вполне практическими делами, которые, хотя и в малом, лежат совершенно в русле того, что я здесь разъяснял о социальном вопросе. Так, в Антропософском Обществе был человек, который мог производить хлеб. Поскольку как раз существовала корпорация людей, которые, естественно, являются также потребителями хлеба, корпорация атропософов, можно было создать ассоциацию между этим человеком как производителем хлеба и этими потребителями; это значит, что он мог в своем производстве соразмеряться с потребностями потребления, так что потребности

известны, и производство может быть организовано соответственно наличным потребностям. Это будет делать не рынок, который формирует целое случайно, анархически, но это может происходить, только если есть механизмы, посредством которых люди, действительно изучающие потребности, направляют производство по потребностям, регулируя его с ассоциациями. [Б.В. - Одна из практических реализаций этого принципа, которая мне встречалась, была связана с биодинамической фермой, где фермер заключал договор с потребителями на год о примерном объеме и ассортименте продукции. Недавно - 2004 - было объявлено, что антропософски ориентированная фирма Weleda также будет использовать этот принцип.]

Это установление потребностей социалистические мыслители хотели бы сегодня делать по статистике. Это невозможно. Живая жизнь никогда не может формироваться по статистике, а только по непосредственному человеческому наблюдению. Следовательно, в хозяйственном организме для социальных условий на определенные должности должны быть поставлены люди, предназначенные для познания потребностей в распределении продукции. Как раз потому, что потребности различны, дело заключается в том, чтобы не вызывать тиранию потребностей, которая наверняка возникла бы на основе сегодняшней социал-демократической программы, а чтобы из живых потребностей узнать, как следует их удовлетворять. Само собой разумеется, что известные потребности не смогут тогда быть удовлетворены, это покажет и практика как таковая. Решение не должно приниматься из какой-нибудь догмы, оттого, что кто-нибудь думает, что то или иное не является настоящей человеческой потребностью. Но если некоторое число людей имеет потребности, взывающие о товарах, для изготовления которых должны быть использованы люди — это получится в живой хозяйственной жизни, поставленной на собственные ноги — некоторые товары, в которых отдельные люди имеют потребность, все же не смогут изготавливаться. Дело как раз в том, чтобы постигать, смогут ли действительно потребности быть приняты во внимание без пренебрежения и без вреда для человеческих сил.

Как д-р Штайнер мыслит себе практическое осуществление трехчленности? Возможно ли воздействовать через Бундесрат? Или же после достаточного распространения этих мыслей должен состояться референдум? Или же придется выжидать, пока революция и гражданская война низвергнут современный порядок?

Прежде всего дело все же в том, чтобы всерьез признать, что здесь должен быть приложен новый метод, по крайней мере по сравнению с методами, которых обычно придерживались. Дело в том, чтобы к целям стремились не так, как при старых парламентах, но чтобы из самого дела, из тенденций современной жизни схватывали, чего собственно, требуют люди в своем подсознании, если даже им это не ясно. И если можно будет понять, в чем здесь дело, тогда будет некоторое

количество людей, имеющих понимание того, что должно происходить. А если будет некоторое число людей, имеющих понимание, что должно происходить, тогда, я полагаю, пути найдутся. В своих "Основных пунктах социального вопроса" я как раз объяснял, что в любой жизненной точке этой трехчленности можно начинать, если только действительно понимают ее смысл.

Что не имеется в виду вводить трехчленность путем какой-нибудь революции, это основано также на историческом рассмотрении. При этом я должен сказать, на Западе имели место изменения в духовной области — взять хотя бы христианство — , имели место изменения в политической области. Но уже в политической области изменения сопровождались определенными явлениями. Сегодня люди думают о хозяйственных революциях — обо всем этом мы еще должны будем говорить в пятом докладе, вообще в следующих докладах — но судьба всех таких революций будет такой же, какова, совершенно определено, будет судьба революции европейского Востока: приносить лишь разрушение, не созидание. Это принесла венгерская революция, а особенно немецкая революция 9-го ноября 1918 года, полностью мелеющая, потому что сегодня ясно обнаруживается, что сегодня дело не в том, чтобы вносить какие-нибудь мощные перевороты, но чтобы иметь идеи, посредством которых будут вводиться нормальные, сносные условия.

Когда достаточно большое число людей признает подобное, тогда возникают пути. Ибо идея о трехчленности социального организма не есть только цель, но она сама именно есть средство. И дело в том, чтобы не становиться на ту почву, на которой стоят столь многие люди. Я, например, испытывал в некоторых областях, что люди читали и мою книгу "Основные пункты социального вопроса". Они находили допустимым изложенное там. Но радикально левые находили: "Да, эта трехчленность очень хороша, но ей должна предшествовать революция, диктатура пролетариата, тогда мы ухватимся за трехчленность", — и это говорится поистине благожелательно, — "теперь же мы будем сражаться с ней как на ножах!" Это выступает передо мной часто. Эти вещи основаны, собственно, целиком на ложном мышлении: что можно что-нибудь сделать прежде, чем создано понимание.

Особенно характерен один маленький эпизод: я говорил об этих вещах в одном городке в Южной Германии. Там выступил один коммунист. Он, собственно, был очень милым человеком. Но в ходе своего доклада он сказал своим слушателям приблизительно следующее — в своем высшем сознании он был совсем скромным человеком, а в подсознании гораздо менее скромным: видите ли, я сапожник, я очень хорошо знаю, что раз я сапожник, то в будущем социальном обществе я не в состоянии стать чиновником, для этого нужно быть образованным. — Но прежде этот человек развил во всех подробностях свой план о социальном порядке, из которого вытекало,

что он чувствовал себя призванным стать министром будущего государства — чиновником нет, но министром вполне!

Я мог бы доказать вам и многими другими примерами, что господствует такой образ мыслей. Но дело именно в том, чтобы сначала действительно было понимание того, в чем суть трехчленности. Тогда найдутся пути. И надо надеяться, что это понимание сможет произойти, пока не будет слишком поздно. Если бы только сегодняшних людей можно было немного встряхнуть к пониманию того, что необходимо. Тогда бы, собственно, и не спрашивали, возможно ли это через государственный совет, референдум и тому подобное, но знали бы: если только будет достаточно много людей, будет и дело — если достаточно много людей его понимает. Это, в сущности, то, что как раз является тайной общества, стремящегося к демократии: что дело осуществляется, если оно действительно находит внутреннее понимание.

Далее был вопрос:

Не является ли принцип уголовного права пережитком?

И:

Оправдана ли идея наказания в сравнении с идеей педагогического улучшения?

Действительно, идея наказания является одной из самых трудных и на этот вопрос в ходе истории давались всевозможные ответы. На почве, на которой стоит идея трехчленности социального организма, также возникают определенные следствия, которые на другой почве не возникают. Все единичное, происходящее внутри социального организма, является, в основном, все же следствием социального порядка в целом: как каждый кусок хлеба, который я могу заработать, со своей ценой есть следствие социального порядка, так и побуждения при наказании обоснованы всей структурой социального организма. И в том обстоятельстве, что наказания необходимы, как раз обнаруживается, что во всем социальном организме есть нечто такое, чего, собственно, в нем не должно быть. Если не то что стоят на точке зрения трехчленного социального организма как такового, а вообще развивают практическое мировоззрение из таких импульсов, из которых возникает идея о трехчленном социальном организме, тогда получается, собственно, воззрение, относительно наказания и его приведения в исполнение приходящее к иному пониманию, необходимость наказания будет возникать значительно реже, если такие вещи, какие требовались в сегодняшнем докладе, социально действительны. Уголовное право, которое, собственно, как тень,

сопровождает антисоциальные состояния, сможет быть редуцировано к минимуму. Поэтому, когда такой переворот действительно произойдет, вопросы, которые сегодня всплывают относительно уголовного права, является ли оно пережитком, и тому подобное, будут поставлены на совершенно новую почву. Я хотел бы сказать: если человек нездоров, то он делает одно, если здоров, то другое. Так же и здесь. Необходимость наказывать свидетельствует об известных болезненных симптомах во всем социальном организме. Если стремятся сделать социальный организм здоровым, то понятия о наказании, уголовном праве, приведении наказания в исполнение смогут быть поставлены на совершенно иную почву. Следовательно, ответ на то, каковы будут тогда частности, как, например, уголовное право, или осуществление наказания, нужно искать в социальном преобразовании в целом. [Б.В. - вышесказанное не следует понимать в смысле попыток снять с человека индивидуальную ответственность за преступление, представляя это преступление результатом временного помешательства или негативного внешнего окружения; в другом месте Р. Штайнер высказывался против этого совершенно отчетливо. Поскольку речь идет о наказании, возможно уместным будет также привести слова Л. Толстого: "Когда наступит новый, разумный, более разумный склад общественной жизни, люди будут удивляться тому, что принуждение работать считалось злом, а праздность - благом. Тогда, если бы тогда было наказание, лишение работы было бы наказанием."]

Способен ли каждый человек, определять продолжительность рабочего дня для определенной отрасли производства?

Да, быть способным решать такие вопросы вместе с другими людьми, это нечто иное, нежели следовать произволу отдельного человека. Если вы прочтете мои "Основные пункты социального вопроса" — а к трудовому праву я еще вернусь в этих докладах, — то вы увидите, что в трехчленном социальном организме регулирование рода работы, времени работы должно стать делом общественного права, что, следовательно, то, о чем здесь спрашивается, должно регулироваться как раз на демократической почве. Следовательно, здесь речь идет о том, чтобы такой вопрос был урегулирован каждым человеком вместе со всеми другими людьми социального организма. Человек способен к тому, чтобы вместе с другими взяться за урегулирование такого вопроса. Следовательно, неправомерно спрашивать, способен ли каждый человек определять продолжительность рабочего дня для определенной отрасли производства? — Это совершенно определенно не принадлежит каждому человеку, его произволу; но это находится в пределах возможностей общественного суждения путем демократического регулирования и демократического большинства на такой правовой почве, как я сегодня описал. [Б.В. - насколько я понимаю, здесь речь идет именно о праве, а не об обязанности работника; т.е., если взять другой пример, работник имеет право на ежегодный отпуск, но он не обязан его брать каждый год.]

Не должны ли мы сначала очистить душевное в человеке, прежде чем идти на серьезное выступление в этом государстве?

Что же, многое из того, что здесь имеют в виду, будет как раз предметом следующего доклада. Но, видите ли, идея трехчленности социального организма - это практическая идея. Поэтому она рассматривает все вещи с соответствующей действительности точки зрения. Сегодня многие говорят просто: вот у нас есть социальный вопрос, следовательно, он должен быть решен, следовательно, нужно поразмыслить о программе, посредством которой будет решен социальный вопрос; сегодня у нас есть нежелательные социальные условия; мы найдем решение социального вопроса, тогда завтра возникнут социальные условия, которые желательны. — Но дело обстоит не так. В том развитии человечества, которое я сегодня описал, социальный вопрос возникает из известных душевных настроений, телесных условий и их следствий для социальной жизни. Социальный вопрос существует, и его нельзя решить теоретически, нельзя дать законы, посредством которых он будет решен. Он есть и останется. Он будет всегда. Каждый день он будет возникать заново. Поэтому также всегда должны быть механизмы, посредством которых он каждый день будет решаться заново. Следовательно, дело не в том, чтобы так аккуратно разделить предмет: сначала сделаем человеческие души пригодными, затем введем социально желательные условия. - Нет, дело в том, чтобы признать социальный вопрос, чтобы попытаться в реальности осуществить нечто такое, как, например, самостоятельную правовую основу или самостоятельную духовную основу, посредством которых социальный вопрос постоянно может решаться.

В своей книге "Основные пункты социального вопроса" я предупреждал против того, чтобы рассматривать сходство между отдельным человеческим организмом и социальным организмом в отношении трехчленности как праздную игру в аналогии, наподобие Мерея или более старого Шэффле. Но, как я объяснил в своей книге "О загадках души", истинное рассмотрение природы приходит к тому, чтобы рассматривать человеческий организм как совместное действие трех самостоятельных членов. Этого требует мышление, и такой способ рассмотрения может быть благотворно применен также к социальному организму, но не путем переноса, а как раз путем непредвзятого рассмотрения как социального, так и природного организма. Есть многое, чему можно научиться на одном и на другом.

Не правда ли, люди хотели бы, чтобы в социальном организме содержались механизмы, которые поддерживали бы все в идеальном состоянии. Никогда не спрашивают, возможно ли это. Люди хотели бы основать хозяйственную жизнь, в которой были бы установления, благодаря которым никогда не могли бы возникнуть повреждения. Не думают о том, что так может быть только в абстракциях, а не в жизни! В человеке, в природном организме существует, например, такая организация, что мы вдыхаем кислород; он преобразуется в углекислый

газ. Известные органы приводят кислород в связь с другими веществами, так что осуществляются определенные функции человеческого организма. В организме возникают нарушения. Им нужно позволить возникать, но их последствия нужно обезвредить. В этом сущность живого. Те, кто говорят: у нас есть хозяйственный организм, сформируем его так, чтобы он функционировал сам собой; затем наряду с ним нам нужен правовой или духовный организм — они говорят точно также, как те, кто заявляют: было бы все же гораздо лучше со стороны творца или природных сил, если бы в жизни нужно было бы есть только один раз, а затем человеческий организм не нуждался бы в новой пище. — Когда речь идет о живом, то все дело в нисхождении и восхождении процессов. Хозяйственная жизнь, которая устроена хозяйственно правильно, дает нарушениям возникать именно благодаря своей силе; и в возникновении, в стадии рождения, нужно одновременно снимать эти нарушения. Это можно сделать не посредством самого хозяйственного организма, а лишь посредством рядом стоящего духовного или правового организма. Они должны существовать, чтобы снимать нарушения хозяйственного организма в процессе возникновения. В том и состоит особенность живого, что в нем вещи находятся в подвижной взаимосвязи.

Такое рассмотрение, правда, гораздо менее удобно, но оно таково, что считается с действительностью, что не хочет реформировать хозяйственный организм так, чтобы он упразднял сам себя, сам себя разрушал. Легко говорить: вот эти и те нарушения возникают из-за современного способа производства, значит, ликвидируйте его, установите другой. — Дело не в том, чтобы просто требовать чего-нибудь, а чтобы изучить возможности жизненно сохраняющегося. И одна из возможностей заключается в том, чтобы в одном этом члене, с одной стороны, вызывать определенные вещи, которые, будучи односторонним процессом в этой системе органов, вели бы к смерти соответствующего организма. Другие члены организма противодействуют, и уже в стадии возникновения осуществляется корректировка. Так три члена должны взаимно исправлять друг друга. Так это мыслится в соответствии с действительностью. И кто сегодня хочет заниматься социальным вопросом, тот должен привыкнуть к соответствующему действительности мышлению. Мы попадаем в ужаснейшие условия, когда везде появляется вывихнутое, искаженное мышление, не имеющее ничего общего с действительностью, делающее программы из человеческих страстей и эмоций. Соответствующее действительности мышление, однако, будет создавать действительность. Поэтому дело прежде всего в том, чтобы достигнуть соответствующего действительности мышления.

Пятый доклад

Взаимодействие духовной, правовой и хозяйственной жизни в триедином социальном организме

Цюрих, 29 октября 1919 г.

Во втором докладе я уже обрисовал, что такое формирование духовной, правовой и хозяйственной жизни, какое я пытался описать в трех предыдущих докладах, достижимо лишь посредством того, чтобы то, что до сих пор мыслилось жестко сформированным в себе унитарным государством, стало тройственно расчлененным, стало трехчленным социальным организмом. То есть, все то, что относится к правовым, политическим, государственным вопросам, найдет свое управление в демократическом парламенте. Напротив, от этой политической или правовой организации будет, с одной стороны, отчленено все, что относится к духовной жизни, и эта духовная жизнь в своей свободе будет управляться самостоятельно. С другой стороны, от политической жизни отчленится хозяйственная, которая, опять-таки, из своих собственных условий найдет свое управление, основанное на знании дела и профессиональной умелости.

Теперь все снова выставляется возражение, что такое членение социального организма противоречит необходимости формировать общественную жизнь в единстве, поскольку-де все отдельные организмы, все отдельное, что человек может совершить в социальном организме, должно стремиться к такому единству. А единство - так говорят - будет сломлено, если попытаться раздробить социальный организм на три члена. - Из мыслительных привычек современности такое возражение вполне понятно. Но, как мы сегодня хотим увидеть, оно совершенно неоправданно. Оно понятно, потому что стоит лишь взглянуть прежде всего на самую хозяйственную жизнь: в ней сливается в мельчайшем духовное, правовое и собственно хозяйственное. Уже об этом можно вопрошать: как же здесь пойдет на пользу какое-нибудь разделение, расчленение?

Если мы возьмем проблему стоимости товаров, то найдем, что сама по себе она уже позволяет созреть троичности. Но эта троичность, что товар в социальном организме производится, циркулирует и потребляется, связана с единством товара. Что обуславливает стоимость товара, с помощью которого человек может удовлетворять свои потребности? - Прежде всего человек должен субъективно иметь какую-нибудь потребность в этом товаре. Посмотрим, однако, что определяет такую потребность. Это связано, во-первых, с телом человека. Именно телесность обуславливает стоимость различных материальных благ. Но и о материальных благах судят по разному в зависимости от того, получил ли человек то или иное воспитание и имеет ли те или иные запросы. И только когда речь идет о духовных благах, которые, конечно, часто вовсе не могут быть отделены от сферы телесных, физических благ, тогда мы видим, что состояние человека в целом обуславливает как он оценивает тот или иной товар, какой труд он согласен затратить на него, какой собственный труд может он соотнести с этим товаром. Здесь мы видим, что духовный элемент, живущий в человеке, является определяющим для стоимости товара.

С другой стороны, мы видим, что товары, когда они обмениваются людьми, связаны с отношениями владения, то есть ни с чем иным, как с правовыми отношениями. Когда какой-нибудь человек хочет приобрести у другого товар, он наталкивается на права, которые другой имеет на этот товар. Так что хозяйственная жизнь, хозяйственная циркуляция совершенно пронизана правовыми отношениями.

И в третьих: товар имеет также объективную стоимость, а не только ту, которую мы ему приписываем из-за наших потребностей и субъективной оценки этих потребностей, которая затем переносится на товар. Товар имеет объективную стоимость, будучи прочным или непрочным, долговечным или недолговечным, будучи по своей природе более или менее пригодным, будучи более или менее частым или редким. Все это обуславливает объективную, собственно хозяйственную стоимость, для определения которой необходимо объективное знание дела и для создания которой необходима объективная профессиональная умелость.

Но эти три определения стоимости в товаре объединяются в единство. И поэтому правомерно спросить: как же то, что объединяется в товаре, должно быть разделено на три области управления, которые относятся к этому товару, которые должны создать что-нибудь с этим товаром в его циркуляции?

Теперь дело заключается прежде всего в том, в чисто идейном смысле, чтобы понять, что в жизни могут объединяться вещи, которые управляются с различных сторон. Почему не может с одной стороны то, что человек субъективно от себя вносит в оценку стоимости товаров, быть определено его воспитанием, имеющим свое

самостоятельное управление? Почему не может с совершенно другой стороны формировать в хозяйственной жизни то, что является правовыми отношениями, и почему не может присоединиться ко всему этому и в объекте соединиться в единое целое то, что входит в товар как объективная стоимость из знания дела и профессиональной умелости? Но это прежде всего идейно и не имеет очень большой ценности. То, что в этом направлении хочет трехчленность социального организма, должно базироваться намного глубже.

И здесь, прежде всего, нужно сказать: трехчленность социального организма - это не какая-нибудь идея, которая сегодня придумана из субъективных побуждений одного или нескольких человек, но этот импульс трехчленности социального организма вышел из объективного рассмотрения исторического развития человечества в новое время. Собственно, уже в течение столетий человечество бессознательно в важнейших побуждениях имело тенденцию к этой трехчленности. Оно лишь не могло найти сил действительно воплотить эту трехчленность, и от недостатка сил в этом развитии возникли наши сегодняшние состояния, сегодняшние несчастья. Сегодня, однако, дело настолько серьезно, что нужно сказать: пора приступить к тому, что готовилось для формирования социального организма на протяжении столетий.

Фактически уже давно действительно свободная духовная жизнь отделилась от государственной и от хозяйственной жизни. Ибо духовная жизнь, зависящая от хозяйственной, правовой и государственной жизни, как раз совершенно несвободна. Существует часть духовной жизни, которая отделилась от собственно плодотворной свободной духовной жизни. Более того, можно сказать, что в начале того периода, когда возникал капитализм и современное техническое хозяйственное устройство с его далеко идущим разделением труда, собственно свободная духовная жизнь, которая создается лишь из побуждений самих людей, в некоторых областях искусства, мировоззрения, религиозных убеждений отделилась от хозяйственной и государственной жизни и проходит определенным образом "между строк" жизни, тогда как от этой свободной, создаваемой самими человеческими побуждениями духовной жизни отделено то, в чем нуждаются для своего управления экономическая жизнь и государство.

То, в чем нуждается для своего управления хозяйственная жизнь, стало зависимым от самих хозяйственных властей. В тех местах, в тех кругах, которые имеют экономическую власть, есть возможность также научно-экономическим образом послужить примером потомству, чтобы оно снова оказалось способно достигнуть хозяйственной мощи. Но то, что здесь исходит из самого хозяйства как экономическая наука - лишь часть того, что могло бы влиться в хозяйственную жизнь, если бы всю духовную жизнь сделать плодотворной для хозяйственной жизни. Это всего лишь то, что остается для размышления от случайной экономики и затем делается экономической наукой.

И государственная жизнь, в свою очередь: государство нуждается в своих чиновниках, своих ученых, так, чтобы они соответствовали шаблонам, которые оно некогда создало для их положений. Оно желает, требует, чтобы в человеке образовалось то, что подобает для этого круга, что предопределено для этих чиновничьих мест. Но это несвободная духовная жизнь, даже если она думает, что свободна. Она не замечает своей зависимости, не замечает, что поставлена в границы человеческих шаблонов.

И все же собственная свободная духовная жизнь, независимая от хозяйственной, от государственной жизни, завоевала определенное положение в мире. Но какое! Отчасти я его уже охарактеризовал. Эта духовная жизнь, которая сохранила свою свободу, стала чуждой жизни. Она в известном смысле приняла абстрактный характер. Сегодня стоит лишь посмотреть, что имеет место в эстетических, религиозных, даже научно-ориентированных мировоззрениях свободной духовной жизни, чтобы увидеть: говорится много, но то, что говорится, является только проповедью. Она существует, чтобы захватывать рассудок и душу, чтобы играть роль во внутренней жизни человека, чтобы наполнять душу хорошим самочувствием и настроением, но она не имеет силы действительно вмешиваться во внешнюю жизнь. Поэтому в такую духовную жизнь вошло неверие, которое я также охарактеризовал, неверие, исходящее от социалистической стороны, которая говорит: никакая социальная идея, как бы хорошо она ни была задумана, никогда не преобразует социальную жизнь. Для этого она нуждается в социальных силах. - А к реальным силам эта отщепленная духовная жизнь как раз и не причисляется. Сколь сильно удалено то - я это также высказывал - что сегодня имеет купец, государственный чиновник, промышленник как внутреннюю, религиозную, даже научную жизнь убеждений, от законов, которые он применяет в хозяйственной жизни, в своем внешнем положении, в управлении общественными делами! Совершенно двойственная оценка жизни! С одной стороны, известные основные положения, которые, однако, произошли из хозяйственной и государственной жизни, с другой стороны, остаток свободы духовной жизни, осужденной однако, на бессилие по отношению к внешним обстоятельствам жизни.

С одной стороны, надо сказать, что единая свободная духовная жизнь отчленилась уже столетия назад, и что оттого, что ей не хотели отдать должное в формировании общественной жизни, эта свободная духовная жизнь стала абстрактной, чуждой жизни. Однако сегодня этой духовной жизни снова требуется вернуть ее силу, ее мощь, поскольку мы нуждаемся в воздействии духа на внешнюю, социальную жизнь. Вот ситуация, в которой мы находимся сегодня.

По другому пути пошла правовая жизнь. Тогда как духовная жизнь, будучи свободной, определенным образом эмансипировалась, правовая

жизнь в течение последних столетий полностью сплавилась с хозяйственными отношениями власти. Этого совсем не замечали, но обе они совершенно слились. То, чем были экономические интересы и потребности, теперь выразилось и в общественных правах. Эти общественные права часто принимают за права человека. При точном рассмотрении они есть лишь принявшие правовой характер экономические и государственные интересы и потребности. Тогда как, с одной стороны, духовной жизни требуется ее сила, с другой стороны мы видим, что возникла путаница в отношении правовых и экономических условий. В том, что называют социальным вопросом, широкие круги населения по всему миру требуют дальнейшего сплавления правовой и хозяйственной жизни. Мы видим, что хотят с политическими, правовыми понятиями формировать совокупную жизнь экономики. И если мы рассмотрим излюбленные многими лозунги, то что это, если не окончательное сплавление правовой жизни с экономической? Мы видим сегодня, что радикально социалистическая партия, привлекающая широкие круги, требует, чтобы - как я уже здесь говорил - на экономическую жизнь была нахлобучена система централизованных, иерархически надстроенных, расчлененных управлений. Жизнь экономики должна быть полностью вправлена в чисто правовые отношения. Мы увидим именно это - что власть правовых отношений должна будет целиком и полностью распространиться на экономические отношения.

Это и есть то другое, что выступает в наше время как кризис, и вследствие чего можно сказать: когда эти политические и правовые отношения будут радикальным образом требовать для экономической жизни, определенным образом должна будет наступить тирания государства, правовой системы над жизнью экономики. Мы видим, что для экономической жизни и ее исцеления требуют не ее формирования из экономических отношений, а завоевания политической власти, чтобы с ее помощью забрать себе и овладеть жизнью экономики. Что такое диктатура пролетариата как не следствие окончательного сплавления правовой или государственной жизни с экономической?

Так здесь будет, правда негативным образом, доказано, насколько необходимо сегодня, основательно проверяя, взяться за взаимоотношения между правовой или государственной и экономической жизнью. Так, с одной стороны, видно, что свободная духовная жизнь частично эмансипировалась и требует своей первоначальной силы; с другой стороны, правовая жизнь, если ее все теснее связывают с хозяйственной жизнью, приводит в беспорядок весь социальный организм.

Довольно долго продолжалось, что под внушением единого государства мыслился единый социальный организм. Пришло время, когда плод этого мышления выступает перед нами в социальном хаосе, излившемся на большую часть цивилизованного мира. Экономика сильнейшим образом требует отделиния от правовой жизни, т.к. было

показано, какой беспорядок вызвала сама эта правовая жизнь в хозяйственной жизни, когда выступили окончательные следствия того, что развилось в течение последних столетий.

С такими явлениями считается импульс трехчленного социального организма. Я хотел бы на наглядном примере показать вам, что как раз в таких явлениях разрывается то, что в жизни должно действовать как единство. Сегодня говорят, что трехчленность социального организма хочет разорвать единство социальной жизни. В будущем же будут говорить, что эта трехчленность наконец-то в истинном смысле обосновывает это единство. То, что абстрактное стремление к единству как раз нарушало это единство, можно увидеть на наглядном примере. Сегодня определенные люди чрезвычайно гордятся тем, что могут теоретически различать право и мораль. Мораль есть оценка действий человека с чисто внутренней точки зрения его души. И как раз в вопросах мировоззрения очень тщательно отличают от этой моральной оценки правовую оценку, которая касается внешней общественной жизни, которая должна быть определена посредством постановлений, мероприятий государственной или другой общественной жизни.

О таком разделении морали и права ничего не знали вплоть до того момента, когда наступило новое техническое развитие экономики и новый капитализм. Только в последние столетия были разорваны импульсы права и морали. И почему? Потому что моральная оценка была отброшена на ту свободную духовную жизнь, которая эмансипировалась, но стала бессильной по отношению к внешней жизни, и существует в некотором роде для проповедования, для оценивания, но у которой исчезла сила действительно вмешаться в жизнь. Тогда те максимы, которые могут вмешаться в жизнь, нуждаются в экономических побуждениях, потому что чисто человеческие побуждения, отодвинутые в мораль, стали недоступны, и действенные хозяйственные побуждения превращаются в право. Так разрывается то, что действует в человеческой жизни: определение права и его прогревание человеческой моралью - разрывается то, что как раз должно быть единством.

В духовной жизни, которая должна иметь собственное управление - разве не станет каждый человек в определенное отношение к ней, если она развится совершенно свободно, как я это описывал? Он будет воспитан в этой свободной духовной жизни, опять же он даст воспитать своих детей, он имеет свои непосредственные духовные интересы в этой духовной жизни, он связан с ней. И те же самые люди, которые так связаны с духовной жизнью, которые извлекают из нее силу, они же участвуют в правовой или государственной жизни и определяют в ней то, что действует между ними как правовой порядок. Они определяют этот правовой порядок из духа, который они воспринимают из духовной жизни. Этот правовой порядок непосредственно вырабатывается тем, что приобретается отношением к духовной жизни. И, опять-таки, то, что развивается между людьми демократически на почве правового

порядка и что человек таким образом воспринимает как импульс своего отношения к другим людям, это он и несет, т.к., опять же, те же самые люди, которые имеют отношение к духовной жизни, они же участвуют и в правовой жизни и хозяйствуют в хозяйственной жизни. Организации, в которые он попадает, род и способ того, как он ассоциируется с другими людьми, того, как он вообще хозяйствует, все это пронизано тем, что он развивает в духовной жизни, ибо это те же люди, которые участвуют в трехчленном социальном организме; и не каким-либо абстрактным порядком, а посредством самих живых людей будет вырабатываться это единство. Нужно лишь, чтобы каждый из членов (социального организма), благодаря своей самостоятельности, развивал свою природу и сущность; именно так он сильнейшим образом сможет работать в направлении к единству. Каждый из членов может так работать, тогда как из-за внушения единого государства распадается даже то, что в жизни так внутренне принадлежит одно другому, как право и мораль. Следовательно, импульс трехчленности социального организма действует не для того, чтобы разделять сопринадлежащее, а чтобы действительно приводить к совместному действию то, что должно действовать совместно.

Духовная жизнь, которую я вчера описывал, может развиваться лишь на своей собственной свободной основе. Но тогда, если ей предоставлено равное право наряду с обоими другими членами социального организма, она явится не чуждым жизни образованием, как та духовная жизнь, которая столетиями развивалась отчужденно и абстрактно, а будет развивать движущую силу, чтобы непосредственно вмешиваться во внешне действительную правовую и хозяйственную жизнь. Может показаться парадоксальным противоречием, когда, с одной стороны, утверждается, что духовная жизнь должна стать вполне самостоятельной, развиваться из своих собственных основ, и, все же, с другой стороны, она сможет вмешиваться в самые практические стороны жизни. Но именно тогда, когда дух предоставлен самому себе, он развивает импульсы, которые могут охватывать всю жизнь. Ибо этот предоставленный самому себе дух не понуждается прислушиваться к тому, что человек должен развивать во имя какого-то государственного шаблона; также не определяется он и тем, что поддерживается определенной экономической мощью, но он будет развиваться из условий человеческой индивидуальности, из наблюдения человеческих способностей, которые хотят проявиться в каком-нибудь поколении.

Но то, что хочет так выступить в каком-нибудь поколении, охватит не только природу, но, так как дух распространяет свой интерес на жизнь в целом, охватит прежде всего саму человеческую жизнь. Мы осуждены быть непрактичными в духовной области, потому что для собственно духовной жизни были оставлены лишь те области, которые не могут вмешиваться во внешнюю жизнь. С момента, когда духу доверяют не просто регистрировать то, что парламенты определяют как государственное право, а когда будут от себя определять государственное право и каким оно должно быть, с этого момента сделают государственное право своим творением. И с момента, когда

духу предоставят вмешиваться в хозяйственную жизнь, в механизм и порядок хозяйствования, он будет развивать определенные точки зрения и положения для этого хозяйства, а не просто предоставлять ему катиться дальше, оставаясь неохваченным мыслями. Тогда и в экономическом кругообороте он покажет себя способным к жизненной практике. Стоит только признать за ним силу вмешиваться в практическую жизнь, и он сделает это. Но такое воззрение на действительность необходимо, чтобы не отделять герметически дух в абстракции, а дать ему вливаться в жизнь. Тогда он оплодотворит экономическую жизнь, в то время как иначе она останется неплодотворенной или оплодотворенной случайными явлениями.

Это нужно принимать во внимание, если мы хотим ясно видеть как в трехчленном социальном организме должны совместно работать дух, право или государство и экономика. По этим вопросам даже очень пронизательные личности современности находятся в совершенной неясности. Эти пронизательные личности часто видят, что в экономической жизни, которая изгнала из себя дух, развились состояния, ставшие социально невыносимыми. У нас есть очень видный мыслитель, который нашел, например, следующее: в экономической жизни мы видим прежде всего систему потребления, которая в высочайшей степени ведет к социальным бедам. Те, кто могут, потребляют то или иное, являющееся, в сущности, роскошью. - Этот мыслитель указывает на то, какую роль в жизни человека играет сегодня то, что он называет роскошью, какую роль она играет также в экономической жизни. Конечно это легко; стоит лишь указать, например, на покупку дамой жемчужной нити. Многие сегодня сочтут это еще совсем маленькой роскошью. Но при этом они не задумываются, чего, собственно, стоит эта жемчужная нить в сегодняшней экономической структуре. За стоимость этой жемчужной нити можно в течение шести месяцев содержать пять семей рабочих! Да, это можно понять и искать в этом помощи из духа. Видный мыслитель, которого я здесь имею в виду, нашел, что необходимо, чтобы государство - разумеется, все вдохновляется государством! - ввело высокие цены на предметы роскоши, именно такие цены, чтобы людям вообще отбить охоту создавать такую роскошь. Он не поддается возражению, которое делают очень многие, что когда роскошь обложат налогом, то ее оставят и государство ничего не будет от нее иметь. Он говорит: нет, это как раз правильно, если роскошь прекратится, ибо обложение налогом должно иметь нравственную цель. Человеческой нравственности надо способствовать налогообложением.

Видите, таково мышление. Люди имеют столь мало веры в силу человеческого душевного, человеческого духовного, что то, что должно произрастать из них, хотят вызвать посредством обложения налогом, т.е. права! Неудивительно, конечно, что так нельзя прийти к единому расчленению жизни.

Тот же мыслитель указывает затем на то, что приобретение имущества будет несправедливостью, потому что в нашей жизни возможны монополии, что социальная жизнь еще находится под влиянием права наследования и т.д. Он снова делает предложение регулировать все это посредством налогового законодательства. Если как можно сильнее обложить налогом наследуемое владение, тогда, как он думает, возникнет справедливость относительно владения. Так же могли бы посредством государственных законов, то есть правовых положений, действовать против монополий и тому подобного. Примечательно, что этот мыслитель говорит: да, здесь совершенно не важно, чтобы все это действительно определялось посредством государственных законов, налоговых законов и т.д., ибо ценность таких государственных законов весьма спорна, они вызывают совсем не то, что должны вызывать. Теперь, однако, он говорит: дело не в том, чтобы эти законы действительно поднимали нравственность, препятствовали монополиям и т.д., а дело в образе мыслей, из которого формируются эти законы.

Но таким образом круг полностью замыкается. Видный политический мыслитель современности говорит примерно то, что я вам сейчас охарактеризовал. Этический образ мыслей он хочет вызвать посредством законодательства; но дело не в том, чтобы наступил успех этого законодательства, а чтобы люди имели соответствующие убеждения! Это прямо китаец, который хочет поймать себя за собственную косу. Вот это странное круговое умозаключение, которое основательно действует в нашей жизни. Ибо посредством такого образа мыслей создают сегодня общественную жизнь. И не видят, что нужны основы для действительно нового формирования социальной жизни: духовная жизнь в своей самостоятельности, правовая жизнь в своей самостоятельности, в своей отделенности от хозяйственной организации как таковой.

Такие вещи выступают сегодня особенно ясно, например у Роберта Вильбрандта, написавшего книгу о социализме, которая только что вышла. Тут видно, что у чрезвычайно благомыслящих людей, имеющих прямо-таки моральный облик для нового формирования социальной жизни, выступает, хотелось бы сказать, легкое указание на абсолютную необходимость духовной основы социального устройства, но повсюду отсутствует понимание, как достигнуть этой духовной основы. Роберт Вильбрандт это не человек, говорящий из голой теории. Во-первых, он говорит из теплого и социально-одухотворенного сердца. Во-вторых, он объездил весь мир, чтобы узнать социальные отношения, и он верно описывает в своей книге, как тяжела человеческая нищета по всему цивилизованному миру. Он дал наглядный пример нищеты пролетариата в цивилизованном мире. Но он также со своей точки зрения указал на то, что в разнообразнейших областях, в которых сегодня социальный вопрос стал актуальным, люди пытались строить заново, но они либо терпели провал, либо, как ясно обнаруживается в сегодняшней Германии, должны провалиться; и Роберт Вильбрандт пришел к полной ясности в понимании того, что все попытки,

строящиеся на сегодняшнем понимании, должны терпеть фиаско. Приблизительно этим он кончает свою книгу. После того, как на это указывается в разных местах его книги, она заканчивается таким странным образом. Он говорит: эти попытки должны провалиться, ни к какому построению они не приведут, ибо у социального организма сегодня нет души, и пока он не обретет душу, он не произведет ничего плодотворного. - Чрезвычайно интересно, что книга заканчивается на этой ноте, что она не говорит как же должна быть найдена эта душа.

Именно этого хотел бы импульс трехчленности социального организма: не говорить теоретически, что необходима душа, и ждать, пока душа сама появится, а указать на то, как будет развиваться душа. Она разовьется, если высвободят духовную жизнь из государственной и экономической жизни. И тогда эта духовная жизнь, если только она сможет следовать тем побуждениям, которые человек сам себе создает для духа, станет достаточно сильной, чтобы вмешиваться также в остальную практическую жизнь. Тогда эта духовная жизнь будет формироваться так, как я попытался вчера описать. Тогда она будет содержать действительность в себе. И тогда о ней можно будет сказать, что на нее мы в состоянии возложить то, что, например, возложено на нее в моей книге "Сущность социального вопроса в жизненных потребностях настоящего и будущего".

Конечно, сегодня можно указать на то - и мы это сделали во втором докладе - что в общественном экономическом процессе действует капитал. Но если просто говорят о том, что капитал должен быть упразднен или переведен в общее владение, то не имеют понятия о том, как, собственно, в сегодняшней экономической жизни действует капитал, особенно при сегодняшних производственных отношениях, как необходимо, чтобы имели место накопления капитала, чтобы способные люди путем управления массами капитала могли работать для служения обществу. Поэтому в моей "Сущности социального вопроса" управление капиталом было сделано зависимым от духовной жизни при содействии самостоятельной правовой жизни. В то время, как мы сегодня говорим, что хозяйствует сам капитал, от импульса трехчленности социального организма желают, что, хотя и можно было создавать накопления капитала, но чтобы управление этим скоплением капитала возможно было тому, кто из духовной жизни развил необходимые способности для какого-нибудь предприятия, но чтобы, однако, эти скопления капитала управлялись тем, кто их собрал, лишь до тех пор, пока он может ими управлять лично. В момент, или, по крайней мере, вскоре после того момента - нам незачем сегодня входить в подробности - когда он со своими способностями не может больше сам заниматься управлением капиталом, если он чувствует себя к этому неспособным, он должен дать позаботиться о нем какой-нибудь корпорации духовной жизни, чтобы это предприятие могло снова перейти к наиболее способному, который сможет им управлять на благо общества. Это значит, что переход предприятия к какому-либо индивидууму или группе индивидуумов связан не с покупкой, а с тем, что происходит из возможностей самого человека, от способного к

способному. От этого перехода зависит социальное благо будущего. Этот переход, однако, не будет экономическим, как теперь, а будет происходить из импульсов человека, которые он получает из самостоятельной духовной жизни и из самостоятельной правовой жизни. В духовной жизни будут существовать даже корпорации, связанные со всеми другими областями духовной жизни, обязанностью которых будет управление капиталом.

Так мог я переход средств производства к обществу заменить циркуляцией средств производства в социальном организме, переходом от способного к способному; и эта циркуляция зависит от самостоятельности духовной жизни, которой она известным образом вызывается, производится. Так что можно сказать: в том, что действует в экономическом обороте, действует сила правовой и духовной жизни. Нельзя помыслить себе единство в экономической жизни более тесным, чем оно будет производиться такими мероприятиями. Но поток, включающий в себя экономическую жизнь, происходит из самостоятельной духовной жизни, из самостоятельной правовой жизни. Человек не будет больше отдан на волю случая, действующего просто посредством спроса и предложения или других факторов, но в экономической жизни будет действовать разум и правовые отношения между людьми. Следовательно, будут сотрудничать дух, право и экономика, хотя они и будут управляться отдельно друг от друга, потому что человек, принадлежащий всем трем, будет вносить необходимое из одной области в другую. Конечно, чтобы это возникло, люди должны освободиться от многих предрассудков.

Сегодня еще совершенно уверены, что средства производства, земля и почва есть вещи экономической жизни. Импульс трехчленности социального организма желает, чтобы в хозяйственной жизни управляли лишь противостоящие друг другу ценности, к которым должны будут приближаться цены, так что определение цен есть то, что, в сущности, выходит в конечном счете из управления хозяйством.

Но сделать определение цен справедливым невозможно, если в хозяйственной жизни действуют средства производства, земля и почва как таковые. Право на распоряжение землей и почвой, которое сегодня концентрируется в праве собственности на них, и право на распоряжение готовыми средствами производства должны быть не хозяйственными делами, а делами частью духовными, частью правовыми. Это значит, что перевод земли и почвы от одного лица или группы лиц к другой, должен быть не следствием покупки или наследования, а передачей на основе права или из принципов духовной жизни. Средства производства, которые преимущественно лежат в основе образования капитала, могут что-нибудь стоить лишь до тех пор, пока они не готовы. Когда они готовы, тогда ими управляет тот, кто вызвал их к существованию, ибо он лучше всех понимает их, но лишь до тех пор, пока он может это делать сам. Позже они представляют собой не товар, который может быть продан, а могут быть переданы от лица

или группы лиц другим лицам лишь посредством правового или соответственно духовного назначения, реализуемого через право.

Так то, что сегодня неправильным образом находится в хозяйственной жизни - право на распоряжение землей, почвой и средствами производства - будет поставлено на самостоятельную правовую основу при содействии основы духовной.

Сегодняшним людям эти идеи еще могут показаться чуждыми. Но это как раз печально, горько, что они кажутся чуждыми. Ибо только посредством того, что эти вещи войдут в человеческий дух, в человеческие сердца и души, так что люди будут вести себя согласно им в социальной жизни, лишь тогда сможет прийти то, что столь многие хотели бы осуществить совершенно иным образом, но никогда не могли осуществить. Нужно, наконец, понять, что многое, кажущееся сегодня еще парадоксальным, действительно здоровой социальной жизни будет казаться само собой разумеющимся.

Не из страстей, влечений и эмоций, из которых сегодня часто выставляются социальные требования, выдвигает свои требования импульс трехчленности социального организма. Он выдвигает их из изучения действительного развития человечества в новое время и вплоть до настоящего времени. Он видит, например, что в ходе долгих столетий одна социальная форма упраздняла другую. Возвращаясь дальше позднего средневековья - в позднее средневековье еще простиралось что-то, особенно в европейском цивилизованном мире - мы находим такую структуру общественной жизни, о которой можно говорить как об обществе власти. Общество власти возникало вследствие того, что - чтобы привести только один пример - какой-нибудь завоеватель со своей свитой обосновывался где-нибудь, делая свою свиту рабочими. Тогда посредством индивидуальных свойств вождя или его индивидуальных способностей, или мнимых индивидуальных способностей возникало социальное отношение между его властью и властью тех, кого он сначала привел и которые затем стали его слугами или его рабочими. Тогда то, что брало начало в одном или в аристократической группе некоторым образом как образцовое для социального организма, переходило на всех, продолжало жить в общности. Воля, которая была в общности, была лишь отпечатком, проекцией единичной воли.

Под влиянием нового времени, разделения труда, капитализма, технической культуры на место этого общества власти, но целиком продолжая его импульсы, среди людей выступило общество обмена. То, что производил отдельный человек, становилось товаром, который он обменивал другим. Ибо, в конце концов, денежное хозяйство также не является ничем другим, т.к. оно есть связь с другим отдельным человеком или с другой группой. Оно есть обменная связь. Общество становится обменным обществом. Тогда как в обществе власти

общность должна иметь дело с волей отдельного человека, которую она воспринимает, обменное общество, в котором мы еще находимся и выйти из которого стремится значительная часть сегодняшнего человечества, должно иметь дело с волей отдельного человека, противостоящей воле другого отдельного человека, и только из совместного действия от одной единичной воли к другой, как случайный результат, возникает общая воля. Из того, что происходит между отдельными людьми, здесь всходит то, что образуется как экономическое общество, что образуется как богатство, что развивается как плутократия [прим.: правление богатых] и т.д. Во всем этом, однако, действует то, что имеет дело со столкновением одной единичной воли с другой.

Нет ничего удивительного, что старое общество власти не могло стремиться ни к какой эмансипации духовного. Ибо тот, кто был вождем, из-за своих способностей признавался также вождем духовного и вождем правового порядка. Понятно, однако, также, что в обществе обмена особенно преобладает правовой, государственный, политический принцип. Мы ведь видели, на чем, собственно, хочет основываться право, хотя в сегодняшнем социальном порядке это желание не приводит к правильному выражению. Право, в сущности, должно иметь дело с тем, что отдельный человек должен делать как равный по отношению к другому, равному ему. В обществе обмена отдельный человек должен иметь дело с отдельным человеком. Таким образом, общество обмена заинтересовано в том, чтобы превратить экономическую жизнь, где также отдельный человек должен иметь дело с отдельным человеком, в правовую жизнь, т.е. экономические интересы преобразовать в правовые положения.

Как старое общество власти переходит в общество обмена, точно так же из внутренних импульсов человеческого развития это общество обмена стремится сегодня к новому обществу и как раз на экономической почве. Ибо общество обмена, присвоив себе духовную жизнь, сделав ее несвободной, чуждой жизни, мало-помалу стало просто экономическим сообществом, и как таковое оно выдвигается как требование известными радикальными социалистами. Но из глубочайших импульсов сегодняшнего человечества это общество обмена хочет перейти в то, что я хотел бы назвать коллективным обществом сообществом - если это название указывает на что-нибудь, но это новое дело, а для новых дел, как правило, не имеют подходящих обозначений, которые должны быть построены из речи. Общество обмена должно перейти в общество-коммуну.

Как будет сформировано это сообщество? Как в обществе власти единичная воля или воля аристократии, то есть также род единичной воли, известным образом продолжает действовать в обществе, так что отдельные люди в своих волеизъявлениях представляют лишь продолжение воли отдельного человека, и как общество обмена имеет дело со столкновением одной единичной воли с другой, точно так же

экономический порядок общества-коммуны должен будет иметь дело с родом общей воли, которая теперь действует обратно на волю отдельных людей. Ибо я объяснил во втором докладе, что в области экономической жизни должны выступить ассоциации различных экономических отраслей, ассоциации производственных отраслей с потребителями, так что везде ведущие хозяйство должны объединиться с хозяйственно потребляющими. Ассоциации будут заключать соглашения между собой. Внутри групп, которые будут или больше или меньше, будет возникать род общей воли. К этой общей воле стремятся многие тоскующие о социализме. Только они представляют себе дело в высшей степени неясным, не разумным образом.

Как в обществе власти единичная воля работала в общности, так же в сообществе будущего общая воля целого должна будет работать в отдельном человеке.

Но как это станет возможным? Что должно быть в общей воле - ведь она должна возникнуть путем совместного действия единичных волей, единичные воли должны дать нечто такое, что не будет тиранией для отдельных людей, в чем отдельный человек мог бы чувствовать себя свободным. Что должно присутствовать в этой общей воле? В этой общей воле должно присутствовать то, что могут воспринимать отдельная душа и отдельный человеческий дух, с чем они могут объявить себя согласными, во что они могут вживаться. Это значит, что то, что живет в отдельном человеке, дух и душа, это должно жить в общей воле сообщества. Это возможно не иначе, чем при условии, что те, кто формирует эту общую волю, из единичной воли несут в своем волении, в своем ощущении полное понимание отдельного человека. В эту общую волю должно влиться то, что ощущает отдельный человек как свое собственное духовное и телесное. Только тогда оно должно вноситься.

Иначе было в инстинктивном обществе власти, где отдельный человек был признан общностью потому, что отдельные люди в ней не проявляли своей собственной воли; иначе было в обществе обмена, где сталкиваются единичные воли и выходит род случайной общности; но должно быть по-другому, если на отдельных людей должна действовать организованная общая воля. Тогда никто, принимающий участие в формировании этой общей воли, не может не понимать то, что является истинно человеческим. Тогда нельзя подходить к жизненному воззрению с абстрактным естествознанием, направленным просто на внешнюю природу, никогда не могущим понять целого человека. Тогда должны подходить к жизненному воззрению с духовной наукой, которая вызывает соответствующее ощущение и воле понимание отдельного человека, потому что охватывает всего человека с его телом, душой и духом.

Поэтому если хотят вызвать общественный экономический порядок, то его смогут вызвать, только если сумеют одушевить его из самостоятельной духовной жизни. И эта свободная духовная жизнь не окажется непрактичной, она покажет себя очень практичной. Лишь тот, кто пребывает в несвободной духовной жизни, может жить так, чтобы размышлять о добре, о зле, о правильном и истинном, о прекрасном и безобразном только во внутреннем своей души. Но тот, кто, благодаря духовной науке, смотрит на дух как на нечто живое, кто постигает посредством духовнонаучного познания, тот будет практичен во всех своих действиях, особенно в отношении человеческой жизни. Что он воспринимает в себя из духовного воззрения, то переходит непосредственно в руки, то переходит в каждое жизненное движение, то формируется действительно так, что может вживаться в непосредственную практическую жизнь. Чуждой жизни будет лишь духовная культура, изгнанная из практической жизни. Духовная культура, которой дают влиять на практическую жизнь, развивается к практике. Кто действительно знает духовную жизнь, тот знает, как мало практическая жизнь удалена от того духовного элемента, который отдан своему собственному побуждению. Я хотел бы сказать: никак не является хорошим философом тот, кто при необходимости не может нарубить дрова, ибо кто хочет обосновать философию, не умея приложить руку к практической жизни, тот не обосновывает никакой философии, тот обосновывает чуждую жизни философию. Настоящая духовная жизнь практична.

Под влиянием того, что возникло в течение столетий, можно понять, когда сегодня как раз люди, которые стоят в сегодняшней культурной жизни, сегодняшней ведущей духовной жизни, как, например, Роберт Вильбрандт, написавший свою социализацию из действительно хорошего мнения, из действительно социального морального взгляда, когда такие люди все же говорят: никакая сознательная практическая работа невозможна, т.к. души не хватает - когда они не могут подняться к тому, чтобы спросить о реальности душевного образования, душевного формирования, не могут спросить: что делает реально свободная духовная жизнь также для государственной, для экономической жизни? Эта свободная духовная жизнь, как я показал, будет правильным образом сотрудничать с экономической жизнью. Но тогда и экономическая жизнь, могущая сотрудничать с государственной и духовной жизнью, всегда сможет формировать таких людей, которые опять создадут побуждение к духовной жизни.

Посредством трехчленности социального организма будет выработываться свободная, действительно совместная жизнь. Поэтому к человеку, который из некоего инстинкта, но совсем не из действительного жизненного мужества требует какой-то неопределенной души, неопределенного духа, хотелось бы обратиться с призывом: научись познавать, что такое действительность духа, дай духу то, что он есть, дай душе то, что она есть, и в экономической жизни тоже появится то, что суть экономика.

Ответы на вопросы пятого доклада

Прежде всего поставлен такой вопрос:

Я боюсь, что трехчленностью социального организма будет порожден вечный схематизм, как у немецкого идеализма, особенно у Канта, который вогнал всю богатую духовную жизнь в схему трехчленности мышления, чувствования и воления.

Простите, если сначала я укажу на нечто личное. В самых разнообразных книгах - а я написал большую серию, слишком большую - я поставил себе задачей изложить неправильность, в известном отношении даже предосудительность кантианства в мировоззрении. Сегодня это поистине непопулярное занятие. И я все снова должен был указывать на это в особенности потому, что я чувствовал, что сформированное из действительности мышление прямо противоположно кантовскому. Хотелось бы сказать: кантовское мышление потому столь любимо, что оно схематизирует. Кто следил за моими докладами здесь, тот найдет, что хотя я также должен употреблять слова, но схематический дух в этих словах, в этих объяснениях мог бы найти только тот, кто сам вначале его внес. В том, как я пытаюсь рассматривать действительность, не лежит ничего схематизирующего, но когда человек вообще говорит, он должен употреблять слова, и тогда дело только в том, чтобы он был правильно понят. Я говорю не так, что имею в виду какую-нибудь философскую схему, а хотел бы учитывать целостность жизни.

По этому поводу необходимо затронуть нечто личное. Я скоро завершу свой шестой десяток и фактически проделал многое, был своей судьбой приведен во многие области жизни, смог узнать, что живет в самых различных классах, сословиях современных людей, узнал именно

так, что здесь поистине лежит в основе никакой не схематизм, а полнота жизни. И из этой полной жизни у меня возникли воззрения, которые многие люди не сразу находят понятными, потому что как раз схематизм, который сегодня так излюблен, недостаточен для их понимания, но требуется известный жизненный инстинкт, чтобы правильно познать эти вещи. Правда, одного я никогда не делал: сам не принадлежал ни к какой партии - хотя я знал партийных людей от самых крайних правых до радикальнейших левых, а также центр. Может быть, именно этому обстоятельству - по крайней мере, по моему собственному мнению это так - я обязан известной непредвзятостью.

Так что поистине выдвигаемому мной в качестве трехчленности социального организма не соответствует никакой схематизм, но везде, где обращаются к жизни, она проявляет себя в этой трехчленности. Прочтите мою книгу "О загадках души": там дело вовсе не в схематизме, согласно которому я, к примеру, хотел бы разделить весь человеческий природный организм, как Кант очень аккуратно разделил духовную жизнь на три подразделения, а там это сделано так, что действительно друг в друге работают три члена. Это не схематизм, когда описывают что-нибудь из действительности, где появляются три члена, и при этом называют эти три члена. Когда делят согласно субъективным точкам зрения, то это нечто совершенно иное, чем когда пытаются воспроизводить действительность. И в основе образа мыслей, который здесь проявляется, лежит как раз то, что действительность берется как таковая, не утверждается ничего такого, что не диктовалось бы самой действительностью.

Я хотел бы показать это вам над одним примером: однажды в одном южногерманском городке я читал лекцию о мудрости христианства. Там были также два католических священника. И так как лекция как раз не содержала ничего такого, что они могли бы оспаривать по содержанию, то после нее они подошли ко мне и сказали: да, видите ли, мы ничего не можем сказать против того, что вы сегодня преподнесли; но вы преподнесли это так, что обращались только к некоторым людям, которые своим образованием предназначены прислушиваться к эрим вещам, тогда как мы обращаемся ко всем людям. - И я сказал тогда: то, что вы и я воображаем себе, что мы обращаемся ко всем людям, это субъективно, это, в сущности, может вообразить себе каждый человек: ибо зачем бы ему было вообще обращаться к людям, если бы он не верил, что то, что он говорит, общезначимо и ясно. Но дело совсем не в этом субъективном. Дело в том, выражают ли объективные факты и ведут ли себя в духе этих объективных фактов. И теперь я вас спрашиваю: вы утверждаете, что обращаетесь ко всем людям; это ваше субъективное мнение, по-моему, также ваше субъективное устремление; но идут ли все люди к вам в церковь? Это было бы доказательством того, что вы обращаетесь ко всем людям. - Тут они, конечно, не могли сказать: да, это так. Ибо здесь говорили факты, а не субъективные мнения. Тогда я сказал: это мы примем теперь как факт, а к тем, кто не идет к вам в церковь, к ним обращаюсь я, ибо они также имеют право услышать о Христе.

Так предоставляют говорить действительности. Здесь поистине не схематизируют, вообще не обращаются к субъективному, а пытаются указать, каковы действительные импульсы времени. Из таких действительных импульсов времени хочется говорить.

Представляете ли вы себе трехчленность социального порядка проведенной внутри существующих государств или как-то иначе? То есть, является ли сегодняшнее государство со своими политическими границами рубежом и в новом порядке?

Так вот, формировать что-нибудь плодотворно можно, только если не мелочиться, а думать о действительном развитии, если работать в духе действительного развития. Вы, может быть, уже могли заметить, что как раз в идеях о трехчленности социального организма работают над формированием жизни из духовнонаучных основ. Эти духовнонаучные основы дадут и то, что упускают сегодня знатные мыслители, а именно действительную науку об экономике. То, что сегодня называется экономической наукой, есть лишь сваленные в кучу отдельные частные наблюдения. Это не есть нечто такое, что действительно могло бы стать импульсом к социальному волеию. Действительная наука об экономике может вырасти только из духовно-научных основ.

Так возникает многое в отношении переразграничения социальных организаций. Так, например, законы экономической жизни сами укажут, как должны будут разграничиваться экономические области, экономические территории, так что о будущем следовало бы говорить примерно следующим образом. Действительная наука об экономике показывает: если ассоциации, о которых я говорил во втором и сегодняшнем докладах, станут слишком большими, то они экономически больше не возможны; если они станут слишком малыми, они также экономически невозможны. Внутренними условиями экономической территории, разнообразным производством, разнообразными отраслями, разнообразными областями, которые там существуют, определяется также величина этой территории. Если бы я хотел высказать закон для этой величины, то должен был бы сказать приблизительно так: слишком малые хозяйственные области какого-либо рода действуют вредно потому, что они не позволяют возникнуть ассоциации людей, как бы оставляя ассоциирующихся людей голодать; напротив, слишком большие экономические территории действуют так, что они вредят, заставляют голодать находящихся вне территории. Исходя из этого, из внутренних законов можно определить оптимальную величину экономической территории. Кроме того, если социальный организм действительно тройко расчленен, то совсем не обязательно - об этом я еще должен буду говорить - чтобы духовные границы совпадали с экономическими или правовыми. Большая часть беды в настоящее время, которая разразилась в эту ужасную катастрофу мировой войны и, как я объяснил во вчерашней лекции, еще

совсем не кончается, основана на том, что в едином государстве экономические, политические и духовно-культурные границы везде совпадают. Дело, следовательно, в том, что величина территории получится из внутренней закономерности, из самой живой жизни.

Но нужно считаться с развитием. Поэтому начало должно быть положено с тем, что дано. И здесь можно сказать: сначала, конечно, окажется, что исторические объединения и образования должны работать согласно этому импульсу трехчленности социального организма. Затем, когда его здоровым образом, я не хочу сказать проведут, а будут иметь в себе, тогда из закона жизни, которая тогда возникнет, произойдет и другое.

Следовательно, на это нужно отвечать не теретически, а в соответствии с жизнью. Так что говорят: то, что, например, получится завтра, будет лишь основой для послезавтрашнего. Следовательно, дело в том, чтобы указать на жизнь, а не изобретать какие-нибудь программы. Такие программы ужасно дешевы, а их придумано поистине уже достаточно.

Будет ли обращение с сельскохозяйственными средствами производства существенно отличаться от такового для промышленных?

Обращение с сельскохозяйственными средствами производства, то есть преимущественно с землей и почвой - ибо если говорить о других средствах производства, они по сути то же, что и промышленные средства производства - особенно сегодня выступает на почве той борьбы, которая ведется земельными реформаторами. Вы легко можете усвоить то, что здесь имеется в виду, если возвратитесь прежде всего к оригинальнейшему земельному реформатору, к "Прогрессу и бедности" Генри Джорджа и его стремлению посредством так называемого "единого налога" выровнять, искоренить несправедливость общественного порядка, которая может быть вызвана удорожанием почвы. Выигрывать по обстоятельствам могут те, кто не производит на земельном владении ни малейшей работы. С этой стороны на службу обществу, по крайней мере в изветных границах, будут пытаться поставить прежде всего сельскохозяйственные средства производства.

Так вот, много лет назад я имел дискуссию с Дамашке, который в известном смысле полностью основывается на Генри Джордже, и я сказал ему тогда: нельзя смешивать сельскохозяйственные средства производства с промышленными, ибо имеется существенная разница, которая обусловила различное действие одних и других средств производства для всего социального порядка. Земля имеет определенный размер, земля не эластична. Если два дома стоят рядом, то нельзя растянуть землю, на которой они стоят, так, чтобы между

ними построить третий дом. С другой стороны, промышленные средства производства можно, так сказать, держать в эластичности, они могут быть увеличены. Поэтому с ними нужно обращаться по-другому. Нельзя, например, переносить на землю и почву социал-демократическую теорию, которая заостряется преимущественно на промышленных средствах производства. В чем здесь дело, я сказал как раз сегодня в докладе: земля и почва, как и готовые средства производства, должны быть не предметом хозяйствования, а предметом передачи права с духовных точек зрения. Если это имеет место в отношении тех и других, то получаются различия не теоретического рода, а из непосредственной жизни. Подумайте, например, лишь о следующем: промышленные средства производства изнашиваются; они должны все время обновляться. У сельскохозяйственных средств производства это несколько иначе; дело не только в том, что они не эластичны, но они и изнашиваются в гораздо меньшей степени; по крайней мере, с ними нужно обращаться совершенно иначе, чем с промышленными средствами производства.

Однако, есть еще существенно иное отношение между сельскохозяйственными и промышленными средствами производства. Можно думать о том, что часть доходов промышленности затрачивается на ее подъем, все большее и большее формирование. Здесь часть того, что можно назвать управлением промышленным капиталом, снова поглощается промышленностью. У сельскохозяйственных средств производства это не так. Хозяйственные книги, если бы они велись как общие для всей экономической жизни, показали бы две крайности: одна крайность, например, указывает на производство угля; тогда здесь имели бы примерно все те статьи, которые относятся к промышленному. Другая крайность относится к хлебу, к средствам пропитания в широком смысле, создаваемым благодарю земле и почве.

Так вот, многое из того, что значилось бы в этой общей книге, если бы земля и почва, как и средства производства, были изъяты из экономики и переданы правовому и духовному порядку, - многое из этого сегодня завлакивается тем, что промышленность слилась с управлением землей и почвой. Стоит только быть промышленником и иметь закладные на землю и почву, как слияние налицо. Но оно происходит и посредством многих других вещей. Если бы это было не так, то попросту видели бы, что мировая экономика сегодня держится - как бы парадоксально это сегодня иным это ни казалось - что действительно продуктивны земля и почва, а вся промышленность не продуктивна, а содержится доходами от земли и почвы. Как бы странно для многих это ни звучало сегодня, все же это так. Любое промышленное предприятие есть, в сущности, то, что в сельском хозяйстве называют поедающим имуществом, то есть, имуществом, которое, собственно, поглощает свои доходы.

Сегодня совсем не рассматривают все хозяйство. Оно скрыто многообразнейшими обстоятельствами. В действительной жизни,

однако, возникли бы точки зрения, которые могли бы служить мерилем при передаче сельскохозяйственных средств производства с одной стороны и промышленных средств производства - с другой.

На промышленном полюсе при этой передаче будут иметь значение преимущественно индивидуальные духовные способности людей, то, что они могут, что они изучили, к чему предрасположены. При сельскохозяйственной передаче имеет значение другое, например, родство человека с землей и почвой. Здесь нужно принимать во внимание, что тот, кто имеет наилучшие способности, чтобы обработать землю и почву в дальнейшем, не может быть избран абстрактным образом по своему духовному предрасположению, а должен быть некоторым образом сращен с почвой. Если бы смысл трехчленности мог быть правильно объяснен как раз в деревне, то с этим бы согласилось бы все крестьянство. Разумеется, если выходит кто-нибудь с обычной репутацией ученого, то его люди, конечно, не будут слушать, ему нечего сказать; но если дело преподносится людям правильным образом, то они ничего не будут иметь против. Ибо согласно этому принципу будут действовать именно в сельском хозяйстве. Совершенно в этом духе думают и действуют не в крупных земельных владениях, а в крестьянстве, если не вмешивается нарушающим образом государство.

Дело, следовательно, в том, чтобы точка зрения возникла из взгляда на конкретное положение вещей. Жизнеспособный социальный порядок состоит не в том, что создаются программы, а в том, чтобы при нем могла существовать жизнь. Тогда сама жизнь будет еще нечто привносить.

Как видите, этим импульс социальной трехчленности, изложенный здесь, отличается от всевозможных программ, которые сегодня дешевы, как ежевика. Эти социальные программы устанавливают: во-первых, во-вторых и т.д. Они, собственно, все схематизируют. Идея трехчленности социального организма такого всезнайства себе совершенно не приписывает, а хочет, чтобы люди сами могли кооперировать, чтобы соответственно сформировать социальный организм. Она хотела бы только привести людей в такие отношения, чтобы из этого мог возникнуть соответствующий социальный порядок. Если бы только поняли, что в этом есть принципиальное различие между импульсом трехчленности и остальным, выступающим сегодня, то увидели бы, что трехчленность черпает именно из полноты действительности.

Поэтому я часто говорил: дело совсем не в том, что то или иное должно быть таким или иным. Я, пожалуй, даже сказал бы радикально: когда берутся за дело, то получается, может быть так, что не остается камня на камне [от первоначального плана], но возникает нечто такое, что совершенно определенно имеет прочность, ибо была ухвачена действительность. Как раз тогда, когда обращаются к

действительности, получается, может быть, нечто совершенно иное, чем поначалу программировалось. Но дело в том, чтобы не устанавливать какие-либо программы, а показать, как стоять лицом к действительности.

[...]

Приложение

Из ответов на вопросы после шестого доклада

Как относится д-р Штайнер к финансовому капиталу и нетрудовым доходам?

Я занимался этим - не в полемической, а в конструктивной форме - в своей книге "Основные пункты социального вопроса". Меня многократно упрекали в том, что из того, что мне представляется как социальная структура будущего человеческого общества, проценты не исчезнут полностью. Что же, мне кажется, что честнее стать на почву действительности и подчеркнуть возможное и необходимое, чем на какую-то туманную почву и просто выдвигать требования. В своих "Основных пунктах социального вопроса" я пытался показать, что совершенно необходима работа с капиталом. Без больших скоплений капитала нельзя создать крупные предприятия, вообще народное хозяйство в современном смысле. Мыслится ли этот капитал в денежной или в другой форме, это особая статья.

Обращаясь к социальному вопросу, большинство людей очень часто впадают в ошибку в том, что считают современностью некоторым образом только одно единственное мгновение и для этого единственного мгновения размышляют: как сформировать экономическую жизнь? - Но вести хозяйство значит одновременно с помощью приобретаемого создавать основу для хозяйства будущего. Без создания основы для будущего нельзя было бы поддерживать непрерывность экономической жизни, экономическая жизнь все время обрывалась бы. Это, однако, не обосновывает процентов с процентных доходов, а только процентные доходы, т.к. всегда должна сохраняться возможность в какой-либо момент времени сделать столько, чтобы из этого труда возникли достижения, которые могли бы служить и будущему труду. Не следует думать, что тот, о ком идет речь, не получал бы своего рода эквивалент за то, что он создал для будущего, а это означало бы род процентов. Я мог бы это назвать и иначе, если бы захотел польстить тем, кто сегодня спорит о процентах с доходов. Но мне кажется честнее называть дело так, как оно есть в

действительности. Необходимо, чтобы для тех, кто вносит некую свою долю - это будет простейшим выражением для сложных процессов - в то, чтобы мог собираться и использоваться капитал, было возможным, чтобы таким образом производилось возмещение этого их труда, вносимого ими из прошлого, из современности в будущее. Процент в форме, которую я описал в "Основных пунктах социального вопроса", есть не что иное, как возмещение в будущем того, что произведено сейчас.

Но в таких вещах, конечно, принимается во внимание то, что обычно содержится как необходимый член в социальном организме. Для человека, например, важно, чтобы он имел все свои члены, так как они работают вместе. Таким образом, отдельный член можно понять только из целого человека. Также и в социальном организме единичное целое можно понять только из целого. Если вы вспомните, что я говорил о создании средств производства, то увидите, что дело при этом состоит в том, что средства производства стоят чего-нибудь, могут быть проданы лишь до тех пор, пока они не готовы. Когда они готовы, они, конечно, остаются у того, кто был способен их создать; но тогда они переходят в правовые отношения, следовательно, больше не продаются. Этим создается определенное влияние и на денежное имущество. Дело не в том, чтобы установить законы о том, что деньги не должны приносить проценты, а в том, чтобы получить результаты, соответствующие социальному организму.

Благодаря этому то, что существует как денежные средства, будет приобретать характер, подобный другим товарам. Другие товары отличаются сегодня от денег тем, что они разрушаются или расходуются; деньгам же не нужно разрушаться. За более длительные промежутки времени они также разрушаются, но за более короткие - нет. Поэтому многие верят, что они сохраняются и в более длительные промежутки времени. Были даже люди, которые делали завещания какому-нибудь государству. Затем они вычисляли, сколько это составит через пару столетий. Это столь крупные суммы, что ими можно бы затем оплатить государственные долги очень сильно задолжавших государств. Но шутка заключается в том, что их тогда уже больше не будет, потому что невозможно столь длительное время получать с денег проценты. Однако когда в экономическом процессе наступает то, что средства производства фактически больше ничего не стоят, когда земля и почва тут фактически становятся правовыми объектами - не объектами купли, не объектами экономической циркуляции - тогда для денежных средств наступает то, что они, я часто это выражал, через определенное время начинают иметь дурной запах, как испорченная пища, больше непригодная к употреблению. Просто посредством самого экономического процесса оказывается, что теряют свою стоимость через определенное время, которое не так уж коротко, но это именно так. Благодаря этому вы видите, насколько из реальности мыслится этот импульс для трехчленного социального организма. Если вы даете законы, то вы даете абстракции, посредством которых хотите

овладеть действительностью. Если вы мыслите о действительности, то хотите так сформировать ее, чтобы вещи отвечали бы более глубокому сознанию человека.

Точно так же в таком организме, какой я мыслю, совершенно не содержатся нетрудовые доходы как таковые. Нужно только иметь ясные понятия об этих вещах. Ибо что такое в конце концов нетрудовые доходы? В понятии "нетрудовые доходы" содержится очень, очень много неясностей, а с неясными понятиями нельзя проводить никакие реформы. Видите ли, для того, кто "трудом" называет просто колку дров, нетрудовой доход совершенно определенно есть то, что получают за написанную картину и т.п. Это лишь несколько радикально сказано, но часто так называемые "нетрудовые доходы" обсуждаются именно так. То, что обосновывает экономическую стоимость, составляется из разных жизненных фактов. Оно составляется, во-первых, из способностей людей, во-вторых, из труда, но, в-третьих, также из их взаимного положения, и это является одной из величайших ошибок, если определяют, что какой-нибудь товар, находящийся в экономическом обороте, есть лишь "кристаллизованный труд". Это совсем не так. О труде я высказывался в этих докладах. Дело, следовательно, в том, что вообще понятие труда с понятием дохода никак не сопоставляется. Свой доход человек получает поистине не просто для того, чтобы он ел и пил, или удовлетворял еще какие-нибудь телесные или душевные потребности, но также для того, чтобы он работал для других людей. Следовательно, этот экономический процесс гораздо более сложен, чем такой, который хотят охватить столь простыми понятиями.

Выводит ли докладчик также сверхсознательное, состояние транса, просветление и т.д. из эгоизма?

Что же, я действительно ясно показал, что то, что я называю источником духовного воззрения, проходит тот же путь, что и вещи, исходящие из эгоизма; но если оба проделывают тот же путь, то им все же не нужно при этом происходить из одного и того же. Оба проходят через внутреннее человека; но одно восходит из объективных глубин и возвышается до объективных высот. Я только не хотел бы быть неправильно понятым. Состояние транса вовсе не является сверхсознательным, а вполне подсознательным, очень подсознательным, гораздо более подсознательным, чем, например, какие-нибудь эмоции и т.п. И многое, что называют "просветлениями", что происходит само собой, большей частью также является очень, очень подсознательным. То, что я считаю сверхсознательным, вы найдете описанным в моей книге "Как достигнуть познаний высших миров."

Как обосновывает докладчик выраженный во вчерашнем обсуждении взгляд, отклоняющийся от воззрения современных

политэкономов, согласно которому продуктивны только земля и почва? Лежит ли в основе этого высказывания, например, только другой смысл понятия продукции, продуктивности?

Мне кажется, я не давал повода считать, что продуктивны только земля и почва. Слишком много оперировать понятиями "продуктивно", "непродуктивно" и т.п. не вполне продуктивно, а дело больше в том, чтобы не слишком сильно держаться за готовые понятия. Люди сегодня слишком много говорят в словах. Дело не в том, чтобы давать такие определения, как продуктивно или непродуктивно; здесь всегда дело в том, как понимать продуктивное и непродуктивное, чтобы действительно описывать отношения согласно их взаимосвязям. И вчера я пытался описать, насколько иначе земля и почва включаются в экономический процесс, чем, например, промышленное производство. Здесь дело в таком описании, характеристике. Если бы только захотели уяснить, сколько вреда, особенно в науках, приносится тем, что слишком сильно держатся за такие определения понятий. Сегодня часто господствует плохая привычка говорить, что придерживаются того или иного мнения о том или другом. Сначала должны будут прийти к взаимопониманию о том, что понимают под тем или иным предикатом. Вероятно, после долгих объяснений придут к тому, что имели в виду одно и то же. Для того, что ведет к действительному производству и потреблению, если говорить о них, нужно принять во внимание все отдельные факторы от элементарных до самых сложных.

Так здесь, например, будет трудно понять то, что - конечно, в очень широком смысле - можно было бы назвать хозяйством животных. Животные ведь тоже едят и пьют. Следовательно, если они не приручены, они также имеют род хозяйственной жизни. Но, как правило, они потребляют то, что не требует больших усилий по приготовлению. Большинство животных берут то, что уже имеется [в готовом виде]. Таким образом, для них продуктивна природа, если мы хотим здесь применить термин продуктивна. Многие из того, что человек ест, имеет ту же основу. Если он ест фрукты, это не так уж удалено - только условиями транспортировки, владения и т.п. - от рода хозяйства животных, у которых можно даже найти зачатки отношений владения. Дело в том, чтобы проследить теперь процесс дальше, проследить как то, что дано природой, человек начинает сначала перерабатывать, затем транспортированием запускает далее в процесс циркуляции и т.д. Здесь продолжается понятие, которое начинается у природы. Затем приходят к тому, что является производством для внешней роскоши, что больше не соответствует действительным потребностям, т.е. оправданным или разумным потребностям. Да, как либо ограничивать понятие о том, продуктивно что-то или непродуктивно, это нечто такое, что ведет сначала в туманное. Разумеется, если есть к этому желание, то могут двигаться в таких туманных понятиях, долго дискутировать о том, как физиократы думали, что продуктивна только обработка почвы. Можно противопоставить: если ведется торговля, то это также продуктивно, и можно привести прекрасные доказательства этому. Ошибка состоит в

том, что устанавливают определение: это продуктивно, это непродуктивно! - но нужно уметь действительно надлежащим образом обозревать весь процесс экономической жизни.

Следовательно, я прошу то, что я преподнес, понимать не так, как если бы оно также попадало в такого рода определения, а необходимо надлежащее описание того, что действительно происходит в экономической жизни. И здесь я полагаю, что я на самом деле указал объективное различие между тем, как включаются в экономический процесс земля и почва, и, например, промышленные средства производства, машины и т.п. Но то, что существует на основе земли и почвы, иначе включается в экономический процесс, чем, например, торговля.

Не нужно быть ни односторонним меркантилистом, ни односторонним физиократом. Нужно видеть, что в тот момент, когда приобретают пристрастие к таким вещам, как "продуктивный", "непродуктивный", тогда именно возникают такие односторонние взгляды, как меркантилизм и т.д. Как раз здесь нужно не становиться односторонним, а сохранять всесторонность.

Примечания:

меркантилизм - экономическая практика в Европе XVI-XVIII вв. (частично возрожденная в начале XX в.), состоящая в контроле правительства над экономикой для увеличения национального богатства и экономической самодостаточности. Характерными чертами являются увеличение запасов золота, эксплуатация колоний, установление торговых тарифов, государственные вложения в развитие национальной промышленности, низкая заработная плата, преобладание экспорта над импортом.

физиократия - экономические взгляды, возникшие во Франции во второй половине XVIII в. (Франсуа Кеснэ); оказали определенное влияние на Адама Смита. Физиократы считали, что все богатство генерируется в сельском хозяйстве, поэтому они считали необоснованным вмешательство государства в промышленность и выступали за единый (единственный) налог на землю; они были одними из первых, кто выдвинул и поддержал принципы свободной торговли.

Генри Джордж (1839-1897) - американский писатель, экономист. Считал, что социальная несправедливость возникает вследствие того, что земельные владения сосредотачиваются в руках небольшой группы

людей. В качестве решения предлагал введение единого налога на землю. Автор книг "Наша земля и земельная политика" (1871), "Прогресс и бедность" (1879), "Социальные проблемы" (1884), "Защита свободной торговли" (1886), "Наука политэкономии" (1897). Идеи Генри Джорджа нашли отклик у Льва Толстого.